

Вдохновение

Александр Денисенко

Часть 1

1

Странный поезд

Наступила ночь. Фонари, стоявшие вдоль заснеженного перрона, слабо освещали здание вокзала. Я шёл по серой платформе и размышлял о происходящем. Никогда не думал, что начнутся проблемы с учёбой и мне придётся возвращаться к родителям. Последние две попытки написать более-менее приличный рассказ для зачёта оказались провальными. Конечно, можно было перейти во второй семестр с хвостом, но оставаться должником и отвлекаться на пересдачу не хотелось. Погружённый в грустные мысли о собственной судьбе, я остановился у кофемата, вновь оглядел перрон и заметил девушку, сидевшую в одиночестве. Мне захотелось отвлечься от тяжёлых и гнетущих меня мыслей, поэтому я направился к ней. Подойдя, невольно обратил внимание на яркую внешность: длинные немного выющиеся тёмные волосы, узкое с правильными чертами лицо, вздёрнутый носик, чуть побледневшие от холода тонкие губы.

– Сегодня довольно холодно!

Девушка вынула наушник, почувствовав, что к ней обращаются.

– Извини, что ты сказал?

– Кофе, – протянул я стакан. – Не против, если присяду?

– Нет-нет, конечно, присоединяйся, – она взяла горячий кофе. – Спасибо.

Я скинул рюкзак, изнемогая от ноющей боли в левом плече. Сел рядом с незнакомкой в красном пальто и синем шарфе. К сожалению, лишь цвета глаз под светом фонарей мне разглядеть не удалось.

– Как ты узнал про кофе?

– Не знаю. Решил купить себе и увидел тебя, одиноко сидящую на перроне, решил тебя заодно угостить. – Я сделал глоток и указал на кофемат справа от нас. – Вон он, недалеко.

– Да нет, я про латте, что ты купил. Просто это мой любимый напиток.

Я пожал плечами.

– Угадал, наверное. Как тебя зовут?

– Карина.

– Меня– Витя. Если не секрет, куда едешь?

– В Краснотурьинск. А ты что, не местный, раз живешь в общежитии?

– Верно, думаю, нам с тобой по пути.

– Правда? Работаешь здесь или учишься?

– Да, учусь в литературном институте. Из-за неудачного сочинения провалил зачёт.

– Что будешь теперь делать?

– Мне дали последний шанс исправиться. Поэтому сяду за учебники и тетрадки вспоминать пройденное. Съехал из общежития, потому что знаю, тамошняя жизнь будет только отвлекать, и не останется у меня времени на подготовку. Буду искать свою Музу.

– Наверное, очень интересно придумывать всякие истории? – Карина потёрла нос тыльной стороной ладони.

– Ты права. Это даже расслабляет! Помню, как в детстве много читал, что-то легко придумывал и воображал. Оставаясь дома один, брал бумагу, ручку и записывал мысли... Да и сейчас записываю, блокнот стараюсь всегда держать при себе.

– Может, ты потерял вдохновение? – Карина поправила шапку. – Считаю, ты правильно сделал, что решил сменить обстановку. Уверена, тебе пойдёт это на пользу!

– Да? – я взглянул на новую знакомую пристальнее, – было бы неплохо.

За разговором время пролетело незаметно. Диспетчер вокзала, похоже, уснул. Другого оправдания тому, что без объявления на первой платформе показался локомотив с составом позади, я дать не мог. К тому же это была не электричка, вместо неё подошёл пассажирский поезд. Он издал протяжный гудок, из трубы валил чёрный дым и развеивался ледяным ветром. Лишь иногда сквозь клубы проглядывал светящийся полумесяц, нависший над городом.

– Похоже, это наш, да? – Карина поднялась с места.

– Похоже, номер поезда совпадает. – Я встал, закинул рюкзак на правое плечо. – Какой у тебя вагон?

– Третий.

– И у меня...

– Так чего же мы ждём? Пошли скорее! А то застрянем тут до утра!

Снова прозвучал гудок, но уже более протяжный. Он как бы подгонял нас, говоря: *«Уважаемые пассажиры, это не единственная станция!»*

Да, надо поторопиться. Наверняка, из здания вокзала сейчас появятся другие пассажиры, ожидающие, в отличие от нас, начало посадки в тепле. На улице заметно похолодало. Нам, изрядно озябшим, захотелось поскорее оказаться в вагоне, чтобы не замёрзнуть окончательно.

Удивительно, но никто из здания так и не вышел, хотя обычно на этот поезд садится достаточно людей. Я не придавал значения и тому, почему на перроне так пустынно, а двери вагонов открыты, и не видно ни одного проводника. Не дожидаясь очередного гудка, мы в недоумении шагнули в тамбур.

– Смотри, похоже, здесь тоже никого нет... – неуверенно произнесла Карина и обернулась ко мне.

– Может, и есть кто-то, просто не в этом вагоне?

– Всё может быть! – она вернулась к билету. – Место

девятнадцать. А у тебя?

– Двадцать третье. Но мы можем сесть на любые, кто нам что скажет? – ухмыльнулся я.

– До нашей станции пять остановок. Мало ли, вдруг займём чьё-то место.

Я попросил Карину не волноваться, пообещав освободить место, если придёт пассажир. Повесил рюкзак на крючок и занял место напротив девушки.

– Хорошо. Мне будет не так скучно. – Карина сняла шапку и пальто, положила наверх. – Как же здесь душно!

Девушка поймала на себе мой взгляд.

– Засмотрелся?

– Что? Не-е-ет, – протянул я.

– Значит, показалось?

– Видимо. Так и думал, что у тебя каре!

– Ну и как? – Она одарила меня любопытным взглядом.

– Тебе очень идёт!

– А я всё думаю, как мне... – она заметно покраснела от смущения.

В этот момент поезд начал набирать ход, удаляясь от вокзала. Рывком меня откинуло немного назад. И чтобы больше не смущать попутчицу, я взглянул в окно слева.

– О, смотри, – я с интересом подался вперед, указывая на столик «мест не из лучших». – Что это? Ты видела такое раньше?

– Нет... – Карина внимательно посмотрела, – там, похоже, что-то написано...

Мы подошли к боковым местам напротив нашего купе. На нём стоял аппарат – уменьшенная копия музыкальных автоматов из баров американских фильмов с множеством цветных лампочек: синими, красными, фиолетовыми... Посередине лампочек находилась большая прозрачная кнопка, справа от неё – две прорези: одна для монет, а вторая – неизвестно для чего.

Карина прочла надпись над чёрной полоской дисплея:

Сет-бокс

Стоимость часа музыкального плей-листа – 15
рублей

Также, здесь выделялась пометка жирными буквами:

Примечание :

Внимание . . .

Дальше читать было нечего, вся краска стёрлась. Я предположил, что постарался кто-то из предыдущих пассажиров.

– У тебя есть деньги, Вить?

– Да, кажется... – в заднем кармане брюк нашлось шесть пятирублёвых монет. Половину протянул девушке.

– Так, отлично! Включаю, – кнопка зажглась ярким белым светом. На голубом дисплее высветилось название композиции: Domino – Отменить восход.

– О, знакомая песня, – улыбнулся я.

– Ага. У меня в плеере есть несколько альбомов. Мне очень нравится музыка, мелодия и слова... Не каждому музыканту удаётся зацепить слушателя так, как делает он в своих песнях! – Карина вернулась на место.

– Иногда слушаю, но мне больше группа «Нервы» по душе, – я вышел из-за столика и прошёл на своё место.

Пора было готовиться ко сну. Проводники так и не подошли, билеты никто не проверил. Это было по крайней мере странно. Я решил не дожидаться проводников и лечь на свое место. Ночью могли сесть в вагон новые пассажиры. На краю столика, как и в остальных купе, лежали приготовленные

комплекты постельного белья.

Я заканчивал застилать полку, когда Карина потянулась к матрасу.

– Может, тебе помочь?

– Нет, это не обязательно, я и сама могу.

– Да ладно тебе, не парься! Он тяжёлый, – взяв Карину за плечи, отодвинул девушку в сторону и спустил матрас.

– Спасибо.

– Да без проблем, обращайся.

Карина очень ловко застелила своё место, не то что я – вечно мучаюсь с этой наволочкой и простынями. Она сняла сапожки и легла.

Я, сложив руки на стол, придвинулся ближе к окну. За окном можно было разглядеть немного. Стемнело так, что если бы и очень захотел, то вряд ли бы что-то увидел.

– Скажи, ты ведь наверняка ещё школьница, а сидела на перроне одна? Почему тебя никто не проводил?..

– На самом деле я живу в Синьевском, там и учусь в одиннадцатом классе, а сегодня вот сбежала из дома. У меня стало совсем плохо с учёбой в последнее время. Недавно родителям начали звонить из школы, а когда завуч вызвал папу к себе, они вообще посадили меня под домашний арест. Думали, это пойдёт мне на пользу, вправит мозги, но не тут-то было. Я дождалась, пока они заснут и убежала. Всё, что взяла с собой, – деньги на билет и плеер. Музыка успокаивает нервы.

– А домой когда собираешься? Ведь родители могут и в полицию пойти, если ты не вернёшься. Думаешь, стоило ради этого убегать?

– Побуду у тёти до вторника, а в среду вечером, думаю, вернусь. Может, и не стоило, но в школу точно больше не пойду! Раньше никаких проблем с учёбой не было, – она опустила глаза, задумалась, потом продолжила, – по крайней мере, таких, как сейчас. Когда сменилась наша «классная», изменились некоторые

правила...

– Как говорится: *новая метла по-новому метёт*. Но тебе придётся объяснить, где ты пропадала всё это время, что ты скажешь?

– Что-нибудь придумаю! Слушай, давай закроем эту тему?

– Как скажешь, – пожал я плечами.

Спустя час мы были на станции Кушва. Здесь поезд сделал остановку, но новых пассажиров на перроне не наблюдалось, как и проводников в вагоне.

Сет-бокс, проиграв последнюю песню, отключился. Перед сном Карина включила плеер. Чтобы не мешать, пошёл к себе на место. Сон продлился недолго, на ноги меня поднял юношеский голос:

– Эй, парень, ты не спишь?

Я открыл глаза и перевернулся на другой бок. Надо мной склонилась мальчишка лет пятнадцати. Он смотрел на меня.

Мои наручные часы показывали без двадцати час. Я спросил, не с Кушвы ли наш новый попутчик, так как следующая станция будет только через два с половиной часа.

– Нет, я – машинист этого поезда! Андрей.

– Витя, – протянул я ему руку. – Погоди, кто ты, я не расслышал? Машинист? Ты же ещё салага!

– Ничего подобного! – возразил он. – Достаточно взрослый! Составом научился управлять недавно. Понял, что в поезде появились пассажиры, когда получил сигнал о включенном сет-боксе в этом вагоне. Прийти раньше не мог, по пути следования были населённые пункты, требовалось следить за движением. Теперь поезд на автоматическом управлении, полтора часа будет идти самостоятельно.

– Так, так, погоди, – почесал я затылок, – мне вообще ничего не понятно. Давай по порядку: кто ты такой, откуда, и объясни, что вообще происходит? Мы в Краснотурьинск едем, правильно?

– Не совсем, – Андрей замотал головой.

– Вить? Что случилось? С кем ты там болтаешь? – донёсся голос Карины. Она пришла к нам из своего купе и с удивлением смотрела на нового пассажира. – Привет! У нас новый попутчик?

– Он говорит, что он – машинист поезда, – пояснил я.

– Что? Ты разве не видишь, он ещё не дорос до машиниста! – ухмыльнулась Карина, приняв мои слова за шутку.

– Я то же самое говорю!

– Давайте присядем, и я всё вам объясню. Меня, кстати, Андреем зовут! – представился он девушке.

– А меня Карина.

Мы с попутчицей сели вместе и уставились на Андрея в ожидании ответов на возникшие вопросы.

– Ну, давай, рассказывай, – попросила она.

– Я, машинист поезда. Мне шестнадцать. Должен предупредить вас, что это не простой поезд! И мы направляемся не в Краснотурьинск.

– Да? И куда же мы едем, если не в Краснотурьинск? – я положил у него перед носом билет и указал на графу: «*Поезд №128, Синьевской–Краснотурьинск, вагон 3П, место 23*». – Это поезд 128?

– Да, но прибудем мы не в Краснотурьинск, и остановок больше не будет до конца следования!

– То есть как? – Карина не была напугана, но явное непонимание происходящего присутствовало.

– А почему поезд, как ты выразился, не простой? – продолжил я.

– Мне запрещено говорить о поезде и о месте прибытия до конца ветки. Сами всё узнаете.

– Парень, извини меня, конечно, но ты несёшь полный бред! – усмехнулся я, похлопав его по плечу.

– По-вашему, значит, бред, да? Хотите, докажу? – Андрей окинул нас вопросительным взглядом.

Мы с Кариной переглянулись, не скрывая улыбок.

– Хм, ну давай, удиви! – сказала она.

– Вы обратили внимание на самую маленькую прорезь сбоку кнопки? Не задумывались, для чего она? – Андрей нашёл в кармане джинсов маленькую монету, пока говорил. Мне удалось разглядеть на ней рисунок солнца.

Он подошёл к сет-боксу, запустил в него монету, нажал кнопку, после чего загорелись лампочки и на дисплее оранжевым цветом высветилось: *«Добро пожаловать, Июнь!»*

– Посмотрите вперёд.

В это сложно было поверить, но окно напротив, как и остальные в вагоне, мгновенно стало кристально прозрачным, узоры инея на стекле исчезли. Из окна открывался вид на пейзаж, где вместо снежных шапок на деревьях зеленели листья. Зимние сумерки сменились ярким дневным светом лета.

– Апчхи! – я спрятал в ладонях лицо от неожиданно яркого солнца.

– Но... как?! – восхитилась Карина.

– Это особый поезд! Имея специальные монеты, вы сможете заказать сезон по душе. Мне, например, всегда нравилось лето. А сейчас вернём всё обратно. Не хочу получить по шее из-за этого фокуса.

– Подожди, получается ты здесь не один?

– Да, не один. Мне нужно идти, следить за дорогой! – парень направился к выходу из вагона.

– Андрей, стой! – крикнул я мальчишке вслед. – Ты же сказал, что поезд будет идти больше часа...

– Время здесь бежит быстрее! – он щёлкнул пальцами и скрылся за железной дверью.

– Вить, – окликнула Карина.

– Что?

– Взгляни!

День снаружи опять сменился ночью, деревья и кусты

спрятались под снегом, а окна вагона постепенно затянуло пеленой инея.

2

Знакомство

Поезд остановился в 4.20. Когда мальчишка ушёл, уснуть нам так и не удалось. Следующие пару часов мы прогуливались по вагонам, которые оказались пусты и ничем не примечательны. Вернувшись обратно, остаток времени мы проболтали:

– Ты слышал? Машинист! А возраст-то всего ничего – шестнадцать.

– Слышал, – кивнул я, – думаю, он заметил, что мы отнеслись к нему скептически. Поверь мне, это неприятно! Не лишним будет извиниться, если это всё окажется правдой.

– Согласна, – девушка взглянула на мигающий сет-бокс. – Но как такое вообще возможно? До сих пор не могу поверить в то, что мы увидели...

– Сам не знаю, как объяснить.

Карина неожиданно спросила:

– Виктор, а какое у тебя любимое время года?

– У меня? – я вздохнул. – Думаю, осень. Да, скорее всего, осень! Осенью хорошо поразмыслить. Она будто подсказывает, что нужно делать, чтобы окончательно не замкнуться в себе. Всё поднимает моё настроение: и цветные листья, и небо... всё вокруг становится каким-то... неестественно нарядным.

Она, подперев подбородок руками, заинтересованно смотрела на меня.

– Да ты романтик!

– Ну, не знаю. А у тебя?

– Зима. Не понимаю, почему некоторые не любят зиму и

сидят по домам. Не то, что я. Именно зимой чувствую какое-то спокойствие; по выходным брожу в наушниках по вечернему городскому парку, слушаю музыку и мечтаю, – девушка покраснела от смущения, – наверное, ты считаешь меня странной, да?

– Нет-нет, всё супер. А сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Я всего на год старше.

Между нами повисла пауза. Она не была неловкой, просто каждый задумался о своём. Я ощутил, что Карина захватила всё моё внимание. Мне захотелось узнать её лучше. Скромная и однозначно интересная – это сейчас встречается не так часто. Я представил, как гуляю с ней по зимнему парку, обсуждая музыку, книги и решил узнать её номер.

– Вить, всё в поряд...

Карина не успела договорить, как вагоны пару раз дернулись, поезд резко замедлил ход и в конце концов остановился.

– Взгляни на окна! Снова... с них снова исчезли узоры! – перебил я и поднялся, опираясь ладонями о поверхность стола.

– Похоже, приехали, – Карина приподнялась, прищурившись, попыталась увидеть что-то в предутренних сумерках. Ничего, кроме клубов плотного тумана, что обволакивал состав, ей за окном разглядеть не удалось.

– Ну что, друзья, выходим?

От неожиданного голоса за спиной Карина вздрогнула, резко выпрямилась, стукнувшись о верхнюю полку, плюхнулась на место. У меня же сердце в пятки ушло и на секунду побледнело в глазах.

– Ты sdурел?! – нахмурилась девушка, увидев Андрея. – Зачем так пугаешь? – она потёрла ушибленный затылок.

– Слушай, не делай так больше.

Андрей, заливаясь смехом, ответил:

– Хорошо... хорошо, не буду! Но... вы бы... вы бы себя видели, вот умора!

– Андрей, ты извини, что мы тебе не поверили, – я положил ладонь ему на плечо и посмотрел на Карину в поисках поддержки.

– Да, мы просто не ожидали и, естественно, растерялись.

– Бросьте, я всё понимаю, не извиняйтесь. Я точно так же не поверил во все это, когда впервые оказался в этом поезде, – улыбнулся парень. – После вашей реакции можете считать, что мы в расчёте.

Да уж, испугались мы, как дети! Хорошо хоть не закричали во весь голос. Иначе, чувствую, "шутник" долго бы припоминал нам этот случай.

– Сейчас познакомлю вас с сестрёнкой. Пойдёмте, она ждёт нас на перроне.

Мы прошли к выходу.

– Ты чего так долго? – по платформе прокатился детский возмущённый голосок, но из-за тумана никого видно не было.

Уезжая, мы и предположить не могли, что конечная станция встретит нас летним теплом. Несложно представить, каково было нам с Кариной в наших зимних вещах. Благо, на улице дул прохладный ветерок и, сняв верхнюю одежду, мы почувствовали себя намного комфортнее.

– Вот, собственно, и она, – с улыбкой произнёс Андрей. – Знакомьтесь, это Ксюшка и её пёс Борзик.

Девочка лет десяти, одетая в простенькое платьице и легкую синюю кофточку на пуговицах, подошла к нашей компании. Она держала на поводке небольшую собаку. *«Ксюша удивительно похожа на Андрея. Только серьезнее»*, – подумалось мне.

– Очень приятно! Я – Виктор, а это Карина, – сказал я.

– Да, очень! – кивнула Карина.

– Когда я отправлялся к вам, пришла моя очередь заказывать

здесь лето.

– Мы уже заметили, – сказал я. – Может, тебе пора рассказать, что это за странное место?

– В этом-то и проблема, нам и самим хотелось бы знать, для чего мы тут и что это за место.

Мы с Кариной продолжали озираться вокруг, изучая местность сквозь непроглядный туман. Когда влажные облака рассеялись, как будто из ниоткуда прямо перед нами появилось двухэтажное здание – вокзал станции с высокой башней и большими старинными часами на ней. Часы, похоже, были сломаны, так как стрелки замерли на отметке 12.

– А что это за деревья? Они...

– Искрятся? – перебил меня Андрей.

– Да. Совсем как бенгальские огни на Новый год, – закивала Карина.

– Так и есть, мы называем их бенгальские деревья, – улыбнулся он. – Я же говорил, что вас ждёт много интересного. Пойдёмте.

– Не могу, – замерла Карина.

– Почему это?

– Потому что это так... классно!

– Правда? – обрадованно воскликнула Ксюша, – их я заказала в честь вашего приезда. Я так рада, так рада, что вам понравилось, – девочка запрыгала от восторга, – Андрей не разрешал мне этого делать, но я не послушалась!

Карина онемела от ещё большего удивления и повернулась к Андрею.

– Поверь, – юноша развёл руками, – когда ты поживёшь здесь пару дней, то убедишься, что деревья – это только начало всему странному! – Он сделал жест рукой, приглашая за собой. – Познакомимся с остальными ребятами.

Карина обратила внимание на отсутствие названия станции. Сначала я не придавал такому пустяку особого значения,

но позже и сам удивился. Андрей сказал, что не имеет понятия, почему нет названия станции.

Парень открыл перед нами дверь в здание вокзала. Пропустив всех, зашёл последним.

Мы шли по тихому коридору, освещённому светодиодами на стенах. Полосы света красными змеями ползли к лестнице и поднимались к двери.

Теперь мы стояли в длинном холле со множеством павильонов и ларьков с различными товарами: слева – продукты и кухонная утварь, справа – журналы и канцелярские принадлежности. Наверное, нам и дня бы не хватило, чтобы посмотреть и половину из них. Но самым странным мне показались открытые двери и отсутствующий рабочий персонал. С обоих концов холла эскалаторы вели на второй этаж, а стеклянный потолок здания открывал вид на утреннее небо.

– Так, ребята, не торопитесь разбежаться! Осмотрите всё позже, у вас будет много времени. Пойдёмте дальше, в комнату переговоров.

– Комнату переговоров? – переспросила Карина.

– Да, – ухмыльнулся парень. – Ну, точнее, это комната, где мы собираемся все вместе, болтаем и решаем «серьёзные» вопросы, вроде *«какую часть станции и вокзала будем изучать сегодня?»*

– Поня-я-ятно, – протянула девушка.

Мы с Ксюшей шли позади ребят. Она держала меня за руку и не думала отпускать, даже не знаю, чем я вызвал такое доверие и интерес этой девочки.

– Ксюш, а как вы узнаете, что должны прибыть новые люди?

– Это всё часы в комнате, они сообщают...

– Правда? – обернулась Карина. Мы переглянулись.

Девочка кивнула.

– Вы видели часы на улице? Так вот они сначала очень громко бьют двенадцать раз, а потом на других часах появляются

новые имена. Это означает, что Андрею надо отправляться за пассажирами. Только он не знает, на какой станции они сядут.

– У меня в кабине машиниста тоже есть сет-бокс. На экране высвечивается маршрут с названиями станций, на которых я должен сделать остановку, – добавил её брат.

У эскалатора мы свернули вправо, прошли немного вперёд до автоматической стеклянной двери, пропустившей нас в просторную комнату. В ней находилось несколько человек: парень в кресле, подбрасывающий теннисный мячик, и две девушки, болтавшие на диване справа.

На колонне, выкрашенной в бирюзовый цвет, висели квадратные часы. Похоже, именно те необычные, о которых говорила Ксюша: вместо циферблата – четыре сектора с названиями сезонов и именами жителей станции. В секторах «Осень» и «Зима» я заметил имена. В «Осени» – своё, в «Зиме» – попутчицы. Всего отображалось восемь имён.

– Привет всем! – поприветствовала Карина присутствующих.

– О, а вот и новенькие? – вскочил с места парень.

Вместе с ним поднялись девушки: среднего роста блондинка с ярко выраженными синими глазами и невысокая рыженькая с богатым веснушками лицом, в правом уголке её пухлых губ виднелась родинка.

– Ребята, знакомьтесь, это наши новые друзья – Виктор и Карина. А это Костя, Марина и Настя.

Блондинкой оказалась – Марина, а рыженькой – Настя.

– Очень приятно, – кивнул я.

– И мне, – поддержала Карина.

– Добро пожаловать! – приветливо кивнул Костя.

– А почему часы разделены на четыре части и имена размещены парами в разных секторах?

– Они показывают времена года и тех, кто отдаёт им предпочтение, – сказал Костя. – Я так понимаю, тебе больше осень нравится, да?

– Верно.

– А тебе – зима? – он перевёл взгляд на Карину.

Девушка положительно кивнула.

– А что это за Илья? – дотянуться до часов собственного роста мне не хватило, пришлось встать на носочки, чтобы указать на имя в секторе: «Лето».

– Вы с ним обязательно познакомитесь! Но позже, он наверху, в другом конце зала.

– Почему позже?

– Илья находился там весь прошлый день, думаю, сейчас спит, – объяснила Настя.

– Многое вам удалось узнать об этом месте, пока вы тут пребываете? – я надеялся, что ситуация может хоть немного проясниться.

– Нет, Вить, только о происхождении бенгальских деревьев и то не всё, – Марина прикрыла ладонью рот, чтобы зевнуть.

– Но об этом завтра. А сейчас давайте ложиться спать.

– Да, – согласился Костя. – Сутки уже без сна.

Поднявшись на эскалаторе, мы оказались в начале длинного коридора, выложенного плиткой цвета морской пены, где друг напротив друга располагались двери женской и мужской спален.

– Карина, девчонки тебе всё покажут, – Андрей опустил взгляд на сестру, – а ты слушайся, хорошо?

– Хорошо, хорошо... – с лёгким раздражением кивнула Ксюша.

Они скрылись за дверью, а я отправился с Костей и Андреем в мужскую спальню. Перешагнув порог, я застыл на месте, уставившись на нечто странное: вместо кроватей было установлено что-то, похожее на капсулы и работающее по принципу лифта.

– Это... это что? – меня не покидало чувство недоумения.

– Колыбель, – сказал Костя. – В ней очень удобно спать! Сам

почувствуешь, когда в ней окажешься. Просто нажми на ту круглую кнопку, – подбородком он указал на зелёную панель в стене.

В спальне я насчитал шесть колыбелей и под каждой по сет-боксу. Мне приглянулась та, что справа от окна.

– Парни, а колыбель под номером одиннадцать свободна?

– Свободна, – Андрей протёр слипающиеся глаза. – Моя под девятым номером, а у Кости – под восьмым.

Понаблюдав за парнями, я нажал на кнопку, и колыбель с тихим гулом спустилась, зависнув над цветным ковром.

– Теперь ложись удобнее, сейчас механизм тебя поднимет, – сказал Андрей.

Ребята уже сидели в колыбелях, когда я перебрасывал ноги через борт своей.

– Отлично! – захолопал Костя.

– Получилось! – у меня дух перехватило, когда колыбель понесло вверх.

Сумка, вещи и обувь остались у сет-бокса.

– Ну как, удобно? – поинтересовался Андрей.

– Удобно, – отозвался я.

– Спокойной ночи, парни! – Костя вжался в подушку.

3

Секрет бенгальских деревьев.

Эскиз

Сон в новой постели обнимал тысячами невидимых рук, я тонул под тёплым пуховым одеялом, и меня это вполне устраивало, если бы не одно НО. Крик Андрея неожиданно прервал его:

– ВСТАВАЙ! УЖЕ ПОЛДЕНЬ!

– А... Андрюха, что это у тебя? Привычка – будить человека в самый разгар сна?

– Успеешь выспаться! Спускайся вниз, сегодня много дел.

– Да я бы с радостью, но как спустить эту штуку? Спрыгивать прикажешь?

– Не обязательно, – ухмыльнулся Костя. – Достаточно сказать: «Вниз!». «Колыбель» сама опустится.

– *Оригинально*, ничего не скажешь... – я протёр сонные глаза и задал команду: – «Вниз!»

«Колыбель» гулко начала спускаться.

– Вот видишь, всё просто! – съязвил Костя.

– Не смешно... – укоризненно взглянул я на него.

– Расслабься, не обращай внимания, у Костяна частенько бывает язвительное настроение. Если была бы премия за самое язвительное настроение, то Костян выиграл бы её не прилагая никаких усилий.

– Что мы будем сегодня делать? Что-то исследовать на вокзале, да?

– Отчасти. Сегодня день абсолютно свободный, а вот вечером постараемся найти что-нибудь интересное на первом этаже, потом вернёмся на второй, здесь меньше всего коридоров и дверей. Намного меньше, чем внизу, – сказал Костя.

Я уже успел надеть брюки, осталась только футболка. Надевать остальное было ни к чему: ясное небо и солнце подавали знаки, что сегодня будет жаркий день.

– Андрей, но ты же сказал: сегодня много дел... Получается, я мог ещё спать и спать? – расстроено сказал я.

– Всё верно, много дел, – закивал парень. – Уже давно надо быть на ногах, тем более, вам с Кариной предстоит познакомиться с Ильёй. Если захочешь, можешь прогуляться до станции. Кто знает, может, найдёшь что-нибудь помимо деревьев. Думаю, в этих брюках тебе будет жарковато. В твоём сет-боксе есть монеты, так что можешь купить другую одежду,

но не растрачивай монеты по пустякам. Их мало, всего тридцать.

– Витёк, вечер здесь настанет быстро. Не знаю, что с этим местом, но время здесь проходит незаметно... – добавил Костя. – Увы, но это так. Мы в комнату переговоров. Ты как, с нами?

– Я? Д-да... я догоню. Вы идите, мне нужно переодеться и ещё кое-что сделать. Я приду к вам позже, хорошо?

– Договорились! – в один голос ответили парни.

– И ещё одно: вы не знаете, где Карина?

– Девчонки давно проснулись, они пошли гулять по вокзалу, – ответил Андрей.

Я остался в спальне, нужно было найти одежду по сезону и проверить, звонили ли родители. На телефоне оказалось больше двадцати пропущенных звонков. Последний – в половине четвёртого, когда нас ещё не было на станции. Они меня обыскались. Я решил позвонить, но связи на станции, как я понял, не было.

Домой из общежития я забрал всё своё имущество: тетрадки, ручки, ноутбук, одежду и средства гигиены. Ничего, соответствующего лету, у меня не было. Найдя монеты в окошке сет-бокса, я отыскал среди них одну с рисунком рубашки, на дисплее аппарата высветилась надпись: *Ваша одежда*. Огромная коробка появилась у сет-бокса. В ней оказались вещи на четыре сезона подряд. Мне удалось найти то, что нужно: серые бриджи, а футболку я решил оставить свою.

Подойдя к окну, открывающему вид на бенгальские деревья, заметил, что днём, они не искрили, были обычными, как в любом другом уголке Земли. От одного к другому внизу прогуливалась Настя. Её рыжие локоны выделялись на фоне залитой солнцем зелёной травы.

Я спустился к ней.

– Привет, Настя. Это что, какие-то вырезки?

– Добрый день, Вить. Эпитафии, посвящённые творческим людям.

– С чего ты так решила? Ты так уверенно говоришь...

– Я просто прочитала. Подойди сюда, где я стою. Отсюда лучше видно, – девушка указала рукой на дерево, напротив которого мы оказались. – Вот, видишь?

Я прищурился.

На стволе дерева был высечен текст:

"Вдохновение"
Здесь жил, творил и погиб
Строганов Михаил Валерьевич
Возраст: 18 лет
Сезон: осень
(Поэт)

– Поэт?

– Да, на этом и остальных деревьях указаны музыканты, художники, изобретатели... – подтвердила Настя. – Много их, я успела узнать лишь о четырёх. Похоже, до нас на станции побывало много людей, и все молодые, творческие ребята.

– Подожди...

– Вить... ты куда?

Я подошёл ещё к трём деревьям из первого ряда. Эпитафии на стволах в правой стороне были посвящены девятилетней девочке-художнице и двадцатилетней девушке-пианистке. Если верить надписям, то обоим удалось возвратиться домой. Об этом говорили пометки: «Здесь жила, творила и покинула станцию...»

Но в этой четвёрке, помимо покойного парнишки-поэта, художницы и пианистки, был и писатель, которого настигла та же участь. Ему, как и мне, было девятнадцать лет. Звали его Юрий. Ниже пометки (Писатель) находилась надпись, что-то вроде послания: «Ответ скрыт в пустой монете». Интересно, что бы это могло значить?

– Иди сюда, Вить, иди быстрее... Тут что-то ещё написано.

Я снова взглянул на крону ствола. Настя прочла вслух:

– "Счастлив тот, кто помогая ничего не просит взамен. У

кого-то лето в мыслях, лично осень нравится мне..."

– Похоже, это какие-то рифмованные строчки, – произнёс я задумчиво.

– А что, неплохо! – отозвалась девушка. Она ещё раз просмотрела строчку, читая про себя.

– Хотелось бы текст прочесть полностью. Кстати, как думаешь, парни знают об этих эпитафиях?

– По-моему, нет. Насколько помню, я и Марина прибыли вторыми после Андрея и Ксюши. При нас они и не подходили к деревьям, хотя я могу и ошибаться...

«Странно, им что, вовсе не интересно из-за чего сверкают эти деревья?» – подумал я.

– ... может, тебе лучше спросить у них? Если хочешь, я могу пойти с тобой, – предложила она. – Мне здесь всё равно делать нечего.

– Конечно, пошли.

– Тебя искала Карина.

– Правда? А где она?

– Она с Мариной и Ксюшей. Они где-то на вокзале. Решили ещё погулять, а я отправилась на свежий воздух.

Когда мы отошли от деревьев, я мельком заметил силуэт в одном из окон второго этажа. Я подумал сначала, что это мне привиделось, но силуэт снова мелькнул, и я вспомнил об Илье.

– Спасибо. Слушай, ты иди пока, а я схожу наверх. Расскажи ребятам об этих надписях. Если встретишь Карину, скажи, что скоро я приду.

Проходя по освещённому коридору правой части второго этажа, я миновал десятки дверей: открытые и закрытые. Те, что были открыты, приводили в участки, которыми уже давно не пользовались, или в туалеты с выключенным светом. А к закрытым я и подходить не стал. Добравшись до середины коридора, обнаружил слева от себя приоткрытую белую дверь.

Сквозь зазор между дверью и косяком мне удалось разглядеть небольшую, хорошо освещенную угловатую комнату со столиком, полным карандашей и кисточек; рядом стояли набор из красок в тубиках, емкость с водой и органайзер с фломастерами. В центре комнаты была видна половина холста, сбоку от него – окно. Время от времени в зазоре проскальзывала чья-то рука, держащая тремя пальцами карандаш и, по всей видимости, набрасывающая линии эскиза, как это обычно бывает у художников.

Подглядывать дальше было неудобно. Поэтому я постучался:

– Я не помешаю?

На мгновение рука с карандашом остановилась.

– Открыто, это ты, Андрей? Или Костя?

– Нет. – Я открыл дверь полностью. – Я – Виктор, новенький. Мы с моей... знакомой попали сюда сегодня утром.

Запнулся, потому что не ожидал увидеть перед собой спинку инвалидной коляски. Рука положила карандаш обратно в органайзер. Коляска повернулась в мою сторону, и на меня взглянул парень с короткой стрижкой, тонкими губами и серыми глазами.

– Очень приятно! А я – Илья. Наверное, ребята тебе обо мне рассказывали. Проходи, – он подъехал ко мне и указал на издававшее виды кресло. – Садись, не стесняйся.

– Да, мы с Кариной вчера обратили внимание на старинные часы в комнате переговоров. Настя говорила, что ты вчера весь день был здесь.

– Я размышлял, что бы нарисовать, пока не кончилось моё время. Меня вдохновляет только лето, только в этот сезон я могу творить! А Карина – твоя девушка?

– Что? Не-ет, мы познакомились только вчера, незадолго до того, когда пришёл поезд, который привёз нас сюда, – объяснил я.

Парень взгрустнул, понимающе нахмурившись и опустив уголки губ.

– Тебе удалось что-то придумать, да? Это акула? – я перевёл взгляд с Ильи на холст, установленный за ним на деревянной подставке.

– Нет, не акула, – замотал он головой. – Ты далёк от истины. Я покажу, что получилось, когда закончу. Без обид.

– Хорошо.

– Можно вопрос?

– Да.

– В поезде Андрей случайно не показывал вам трюк с сет-боксом?

– В поезде... нет...

Я соврал, вспомнив, что Андрей не должен был показывать нам этого трюка.

– А если честно? Не бойся, мне ты можешь сказать правду. Впрочем, я это и так знаю, просто уточняю.

– Ну... хорошо, показывал. Он сказал, что может получить из-за этого трюка по шее.

– Правильно сказал. В прошлый раз он сам в этом признался, хотя и не должен был заказывать лето. Это произошло, когда я сюда попал.

– А от кого он получил бы по шее?

– От ребят, они изначально договорились не использовать монетки по пустякам, вне сезона. Но я его не выдам.

– Спасибо. Но как ты понял, что он снова ослушался?

– По смене времени года. Этим утром я сидел здесь и пытался уснуть после работы над эскизом, как вдруг за окном начался снег, который шёл всего пару секунд. Не знаю, успел ли кто-то ещё, кроме меня, заметить?

– Насколько я знаю, нет. Иначе, ребята ему бы устроили взбучку, когда он начал знакомить нас.

– Хорошо. Пусть это останется тайной.

Незаметно для нас обоих мы проговорили с Ильёй до самого вечера. Я рассказал, что мы собирались исследовать первый этаж и предложил ему быть с нами. Мне хотелось узнать этого парня лучше. Поколебавшись, я всё-таки предложил помощь и отвезти его к остальным ребятам.

– Ты уверен? – уточнил он.

– Да.

– Имел опыт?

– Опыт? Нет, не приходилось, – признался я. Мне пришла в голову мысль, что он не рискнёт довериться неопытному парнишке.

– Ну хорошо, вперёд.

– Привет! Нашёлся? Я тебя обыскала, – обратилась ко мне Карина при встрече. На улице уже все были в сборе, столпившись возле деревьев. Андрей и Костя стояли с фонариками наготове; Марина и Настя о чём-то перешёптывались; Ксюша не отпускала из виду пса Борзика, который играл с ней. Она держала резиновый мячик на вытянутой над головой руке, а он, подпрыгивая, пытался достать.

– Добрый вечер всем. И вовсе я никуда не пропадал, просто подружился с одним классным парнем. Кстати, знакомьтесь. Это – Карина, а это – Илья, – я указал на парня в коляске.

– Привет, – кивнул Илья Карине.

– Привет, я так и поняла. Очень приятно!

– Как спалось в колыбели? Я только сейчас начинаю приходить в себя, – поделилась своими впечатлениями девушка.

– Я спал, как младенец, – поделился я.

– Как младенец? Искрящиеся деревья вас не очень впечатлили? – ухмыльнулся Илья.

– Конечно впечатлили, но всё это так странно...

– Боюсь, это только начало. Ладно, поехали к ребятам.

Теперь мы были все вместе.

– Здорово всем.

– Привет, Илюха.

– Удалось что-то новое найти?

– Ничего, кроме того, что нашли вы с Настей блестящие таблички, – Костя включил свой фонарик, и луч света пронзил воздух, отразив распластавшийся на траве жёлтый круг. Затем круг переместился на эпитафию в честь молодого поэта, о котором мы уже знали.

– Всё ясно.

– Дальше в лес мы заходить не стали, решили не рисковать. Скоро должны зажечься огни.

Илья прочёл начальные строки об осени.

– Красиво, – отозвался Костя.

– Я бы с удовольствием тоже что-нибудь сочинил. – Илья повернул голову ко мне. – А у тебя есть какое-то хобби?

– Да, есть. Я пишу прозу, поступил в институт, хочу получить литературное образование и стать писателем. Хотя в детстве мне нравилось рисовать.

– Ничего страшного. Писатель – тот же художник, только его картины – это движущиеся истории.

– Классно сказал! Спасибо, – поднял я большой палец вверх. Мне было очень приятно от сказанных им слов.

– А я вот стихи пытаюсь писать, – вмешался в разговор Костя.

– И как успехи? – поинтересовалась Карина.

– Не скажу, что всё идеально, но я стараюсь.

– Давно начал писать?

– Полгода. Да, не меньше!

– Дашь прочесть что-нибудь?

– Да, без проблем.

– Ну что, возвращаемся обратно? Нам ещё нужно прогуляться по первому этажу, может быть, что и отыщем. –

Андрей, насвистывая какую-то мелодию, направился в сторону вокзала. За ним тронулись и остальные.

Я повёз Илью вслед за остальными, стараясь не отставать.

4

Пять историй

«Кажется, я нашёл место, где напишу рассказ», – подумал я, когда луч Костиного фонарика осветил табличку двери.

Ксюша, запрокинув голову, ангельским голоском прочла:

– БИБЛИОТЕКА...

Рядом бежал Борзик и время от времени вторил её голосу лаем, вилая хвостом.

– Что? Библиотека? Но мы же с девочками были здесь вчера... Никакой библиотеки здесь не было, правда? – Марина с надеждой взглянула на девушек, но те лишь пожали плечами в недоумении.

– Может быть, прошли мимо, не обратив внимания, – предположил Костя, опустив фонарик.

– Нет... Я уверена! Её точно не было! – стояла на своём Марина.

– Не переживай, – взял её руку Илья, – я тебе верю!

Девушке была приятна поддержка со стороны Ильи и на её покрасневшем лице появилась лёгкая улыбка.

– ЕСТЬ! Получилось! – воскликнул Андрей у меня за спиной.

Дверь удалось открыть лишь с третьей попытки, так как в первые две она никак не поддавалась.

Мы, полагаясь на свет фонариков, вслед за Костей и Андреем вошли внутрь. Жёлтые круги, словно солнечные зайчики, устроили спринт по потолку, столам и полкам стеллажей. Иногда они пересекались друг с другом, иногда вовсе

исчезали из поля зрения. За окном мрак сменился светом бенгальских деревьев, который переливами разноцветья осветил территорию станции.

Марина на ощупь нашла выключатель. Все, включая собаку, по команде девушки на время закрыли глаза, так как уже достаточно времени провели в темноте. Когда открыли, увидели столы кофейного оттенка; полки, полные книг; стойку библиотекаря. На столе невозможно было найти свободного места, потому что всю его поверхность заняли журналы и ячейки с карточками бывших посетителей.

Пыль на столах и паутина в углах полок была заметна сразу. Казалось, встряхнув хотя бы одну из книг, все мы дружно начнём чихать от накопившейся пыли и закончим только к следующему утру.

– Какая же тут пылица! Такое чувство, будто здесь не было никого уже лет двести... – тяжело вздохнула Настя.

– Да уж... чувствую, нам придётся как следует попотеть, если захотим привести здесь всё в порядок, – ответил я.

– Не переживайте! Нас много, справимся! – присоединился Илья.

Ребята остались у стеллажей с русской классикой. Я повез Илью между полок с книгами ужасов. Карина была вместе с нами. Мимо проплывали фамилии авторов, начиная с неизвестного мне Аббрэмса, заканчивая популярными фамилиями, с которыми посчастливилось познакомиться лет в двенадцать.

Наконец, мы остановились напротив отделов фантастики и реализма.

– А я вот вообще не читаю! - признался Илья.

– Да? Почему же?

– Не знаю. Наверное, это из-за того, что я часто общался со взрослыми и мне этого хватало. Брал что-то от каждого. Вот моя мама очень много читает: Кристи, Лондона, Булгакова... в

общем, всё, что под руку попадается.

– Я тоже совсем не читаю, – поделилась Карина.

– А вот моя большая часть жизни занята книгами. – Я взял с верхней полки «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери, экземпляр достаточно давней публикации. – Просто, я считаю, что жизнь каждого из нас – отдельный роман. И лишь изучив его целиком, мы вправе судить о качестве.

– Классно сказал! – отметил Илья.

– Спасибо.

– Илья, а как ты попал на станцию? – спросила Карина.

– Я пишу картины. Меня от серовской художественной школы отправили в Екатеринбург на Фестиваль молодых художников. Родители решили, что со мной поедет папа. В поезде я сразу уснул. А наутро, когда проснулся, то отца не обнаружил. В вагон зашёл всем знакомый теперь Андрей, который показал трюк с сет-боксом и монеткой. Я уже говорил Вите, теперь говорю тебе – не рассказывай никому, что он показывал его и вам, хорошо?

– Да, я помню. Андрей говорил об этом запрете в дороге.

– О чём болтаете? – к нам подошли Марина и Настя.

– Да так, Илья рассказал, как отправился на Фестиваль художников в область, а оказался на этой станции, – ответил я. – А вы? Расскажите свою историю.

– Мы с Мариной знаем друг друга с пелёнок. Наши родители дружат уже давно. Мы учимся в одной музыкальной школе по классу виолончели. Была последняя репетиция перед концертом, к которому мы долго готовились...

– Отыграли мы не очень, – продолжила Марина. – Настя пригласила меня на все выходные к себе, чтобы пообщаться и поработать над пьесой, нам не хотелось провалить представление, на которое было потрачено много сил и времени.

– Интересно, соседи не жаловались на шум? – улыбнувшись, поинтересовался я.

К нам присоединились Костя и Андрей. В руке Костя держал небольшой сборник стихов Есенина.

– Не жаловались. Моя семья живёт за городом. Так что никому я проблем не доставляю, – хихикнула Настя.

– А вы сами откуда? – спросила Карина.

– Есть такой небольшой городок возле Краснотурьинска, называется Карпинск.

– Костян, а ты расскажешь что-нибудь? – спросил я.

– Я из Североуральска, в городе я нашёл людей, близких мне по интересам в клубе поэтов. Мы встречались каждый месяц и читали друг другу стихи, обменивались опытом. Я ехал с очередной встречи, когда попал сюда. Меня встретил Андрей и его сестрёнка, позже я познакомился с девчонками и Ильёй.

– Ребята, – Марина обратила на нас с Кариной внимание, – а что расскажете вы?

Мы переглянулись.

– Да нечего рассказывать. Мы с Кариной только вчера познакомились на станции в Синьевском. Сели на 128-ой рейс, а потом к нам в вагон зашёл Андрей. Дальше вы сами всё знаете.

Все уставились на Андрея.

– Теперь твоя очередь. Помнишь? Ты обещал рассказать, что произошло с вами, как получилось, что вы оказались среди нас? – сказала Карина.

– Это бесполезно, ребята! Он даже нам этого рассказывать не хочет. – Произнес Костя.

– Я просто не могу!

– Но почему? Расскажи, нам интересно! – попросил я.

– Мне неприятно вспоминать об этом.

– Не переживай, просто расскажи, тебе обязательно станет легче, – заверила Настя.

– Это случилось месяц назад. Нас с сестрой рано утром подняли родители. Всё, что я помню, – громкий лай собаки, чёрный дым и огонь за окном. Мы с мамой оказались во дворе,

где собрались все жители барака. Кто-то плакал, кто-то пытался до приезда пожарных потушить огонь своими силами. Следом за нами наружу выбежал папа с Ксюшей на руках, а впереди них нёсся Борзик.

Горел третий подъезд, а мы жили во втором. Виновных в пожаре так и не нашли. Через пару дней на вокзале мы уже ждали поезд в деревню к бабушке. Родители отошли в закусочную купить что-нибудь в дорогу. Попросили меня приглядеть за Ксюшей. Вагон отправился раньше, чем положено было по времени, так мы и расстались с родителями.

– А ты откуда?

– С Рудничного. Кстати, где Ксюша? – засуетился он.

– Вон она! – сказал я, когда увидел за спинами ребят девочку.

Ксюша уснула за одним из столов. Её тоненькие ручки были сложены, как у первоклассницы в День знаний, голова повёрнута набок.

Костя вызвался помочь отнести девочку в колыбель, оставил на столе сборник стихов, взял девочку на руки и направился к выходу. Андрей сказал, что они скоро вернутся, и догнал его.

Когда парни ушли, остальные стояли в замешательстве. Я откатил коляску Ильи в сторону.

– Илюха, можно с тобой поговорить?

– Да, а о чём?

– Вчера, когда я вместе с Настей был на станции, обратил внимание на одно дерево, его эпитафия посвящена писателю, моему ровеснику. Он оставил что-то вроде послания...

– Послания?.. – удивился Илья. – Вроде тех строк из стихотворения у поэта?

– Точно, точно, как у него! – подтвердил я.

– Так, и что же там было написано?

– Если дословно, то: «Ответ скрыт в пустой монете». Я

подумал, может, ты в курсе, о чём речь.

– Хм, нет... я, к сожалению, понятия не имею... может, это есть в инструкции?

– В какой ещё инструкции?

– Разве Андрей тебе ещё не говорил?

– Нет...

– Тебе даже монеток тратить не придётся, там сзади сет-бокса есть рычажок... синего цвета. Нажми его, послушай внимательно всё, что будет говорить голос. Так мне сказал Андрей, но я пока не слушал его...

– Поможешь мне?

– Что, прямо сейчас?

– Нет-нет, как появится свободная минутка. Думаю, в ближайшее время мы будем заняты уборкой библиотеки. Тем более, я хотел начать писать рассказ.

– Согласен. Мне тоже нужно поработать над картиной. Так что подождём, а может, ты и сам разберёшься.

– Илюх, только давай об этом пока никому, хорошо?

– Договорились.

5

На сцене

В четверг, спустя пару дней, которые я провёл с ребятами за уборкой библиотеки, поймал себя на мысли, что чем-то схож с главным героем «Кафки на пляже». Только между нами было несколько различий, например, возраст. Парень из книги на четыре года младше, ему пятнадцать. И, в отличие от меня, он жил в библиотеке, когда я лишь ночевал недалеко от неё.

Я несколько не пожалел, что потратил около сорока часов на протираание пыли со столов, раскладывание книг по полкам.

Скажу больше: если бы я провалил вступительные экзамены, то тогда, может быть, наплевал на всё и пошёл получать образование библиотекаря. А что? Работа спокойная, интересная, главное – следить, чтобы книги были вовремя сданы читателями, а остальное, на мой взгляд, не так важно.

Вместе с «Вином из одуванчиков» я прихватил и «Кафку», решил читать по порядку: сначала первое, что полегче, затем второе, что примерно втрое больше по объёму и гораздо сложнее. Начал во вторник после коллективной уборки. Не стал заморачиваться на счёт нашего с Ильёй договора, решил спокойно общаться с ребятами, читать и глубокими ночами мысленно разрабатывать план будущего рассказа. Но, честно говоря, то, что мне уже довелось увидеть здесь, тянет на произведение более крупной формы – вроде повести, к чему я склоняюсь больше...

Этим утром меня разбудила музыка. Из сет-бокса лилась знакомая мелодия, она постепенно всплывала из глубины моего сознания. Её название витало у меня в памяти, но никак не ложилось на язык, чтобы я мог с уверенностью его произнести.

У окна внизу сидел Илья. Он был похож на древнего мыслителя, который подперев подбородок рукой, ушёл далеко в себя и глядел в одну-единственную точку. Когда я оделся, то подошёл и встал рядом с ним, не глядя в окно.

– Доброе, утро!

Он не отреагировал.

– Илья... – я дотронулся ладонью до его плеча.

– Ой, Витёк, это ты?

– Задумался? Летаешь в облаках?

– Я? Нет... не обращай внимания. У меня это часто бывает. Люблю, знаешь ли, поразмышлять.

– Понимаю, – я улыбнулся и повернулся к его колыбели под номером «7». Под ней продолжал играть сет-бокс. – Что это

играет? Оно кажется мне знакомым, но я никак не могу вспомнить...

– Это классика. Вагнер. «Мелодия любви», – объяснил он.

– Мне нравится, – поделился я.

– А мне нравятся они, – кивком Илья указал на то, что происходило за окном.

Снаружи летали колибри. По одиночке их было едва заметно, слышно было едва уловимый звук крылышек, но стоило им объединиться в стайку, запестреть, и вот от них уже невозможно было оторваться!

– Колибри, – озвучил я очевидное.

– Да, они самые. Работая над картиной, я начал замечать, что, несмотря на наше присутствие на станции, здесь всё равно как-то тихо и одиноко, мне захотелось привнести в это место больше жизни, что ли... – он неловко пожал плечами. Казалось, в его мысли присутствовала недосказанность, но кроме этого он ничего не добавил.

Я промолчал. Мне нечего было ответить.

Мы ещё недолго наслаждались колибри, летавшими на фоне зелёной поляны и высоких деревьев, шелестящих листвой, которая с наступлением очередной ночи превращалась в снопы ярких искр. Очередная классическая композиция погасла на заключительной ноте. Мы с Ильёй к этому времени уже находились у моего сет-бокса друг напротив друга.

Мне захотелось перевести разговор на другую тему, и я спросил:

– Значит, здесь и птиц можно заказывать?

– Да, можно, но, по-моему, это дело случая... Вполне возможно, у тебя совсем другие монеты, соответствующие твоим личным потребностям, – предположил парень.

– Понятно, – сказал я. – А где Андрей и Костя?

– Парни? Известно где – в комнате переговоров. Я этой ночью, как всегда, был наверху, работал над эскизом. Они

помогли мне спуститься, сказали, что ты спишь, когда я захотел с тобой поговорить.

– О чём ты хотел поговорить?

– Понимаешь, каждый сезон года здесь длится всего неделю...нарисовать картину я всё равно не успею... Мне захотелось немного оживить станцию, так как до конца лета – двое суток.

– Спасибо, это приятно...

– Не за что.

– Итак, что мне нужно делать? Ты что-то говорил о синем рычажке сзади сет-бокса, правильно?

– Точно. Тебе придётся поднапрячься, этот автомат сложно поддаётся, но, если постараться, можно повернуть его немного боком.

– Ничего страшного, терпение и труд...

Взявшись за края сет-бокса, я почувствовал, как напряглись руки и плечи. Сначала потянул на себя правый край, затем удалось развернуть аппарат левым боком. Когда подался немного вперёд, увидел синий рычажок с двумя лампочками. Нижняя горела красным светом, но стоило поднять рычажок, как верхняя зажглась зелёным, а нижняя погасла.

– Вот, о чём я говорил, – сказал Илья, почесав правый локоть.

– Тихо... тихо... ты это слышал? – произнёс я шёпотом, когда услышал в сет-боксе шум и скрежет, словно при настройке радио.

– Ты про что...

– Тс-с-с... – перебил я, приставив палец к губам.

Наконец мучительный скрежет исчез, и женский голос произнес:

– Здравствуйте! Вас приветствует станция «Вдохновение». Для того, чтобы пришёл обратный поезд, всем прибывшим необходимо пройти период восстановления и начать работать

над собой и своими творениями. Каждому даётся шанс доделать начатое до конца и вернуться домой. Правила просты: экономить монеты и верить своей Музе. Монет всего шестнадцать, по две на каждого. Всё в ваших руках...

Голос смолк. Мы молчали.

– Выключай, похоже, это всё...

Но внезапно верхняя лампочка начала мигать ещё одним цветом – жёлтым. На пару с зелёным они чередовались между собой. В сет-боксе женский голос продолжал вещать:

– Что касается пустых монет... на станции их ровно столько, сколько прибывших. Каждый прибывший может потратить свою монету так, как считает нужным. Но тратить её на улучшение своей работы строго запрещено! Гениальность не может быть куплена ни за какие деньги! Желаю удачи!

– Так вот почему все эпитафии озаглавлены «Вдохновение». Это название станции.

– Это не так важно. Ты слышал, что нужно сделать, чтобы вернуться домой? Все силы потратить на собственные творческие проекты! Иначе...

– А что иначе? – спросил я. – Ведь про такой исход этот голос ничего не сказал...

– Не хочется, конечно, говорить... но мне кажется, тот, кто истратит все монеты и не добьётся результата в творчестве, может пополнить список погибших...

– Да перестань, – замотал я головой, сомневаясь в словах парня. – Я не верю. Не слишком ли это жестоко по отношению к нам? Мы же не виноваты, что у нас творческий кризис?

– Хотелось бы, чтоб мои слова не стали пророческими, но жизнь – жестокая штука... Верить ты или нет, но и такое может быть...

– Нужно об этом рассказать всем ребятам... нельзя держать их в неведении.

– Согласен. Но, может, попозже? Неизвестно, что нас ждёт дальше...

– Хорошо. Скажем позже, но и медлить нельзя. Они должны...

Меня оборвал знакомый голос из коридора. Это кричал Костя:

– Парни... быстрее... парни... мы нашли актовый зал!

Жестом Илья намекнул быстрее задвинуть сет-бокс на место. Когда женский голос закончил читать инструкцию, автомат вернулся в исходное состояние и красная лампочка загорелась как прежде.

– Что? Что ты сказал? – спросил я, когда Костя вбежал в спальню.

– Мы с ребятами актовый зал, говорю, нашли!

– Да ладно? Где? – удивился Илья.

– Там... – Костя указал рукой слева от себя, –... внизу, рядом с комнатой ремонта часов... – он запыхался от бега. – Пошли! Всё сами увидите!

Я спустил коляску по бетонному пандусу. Повезло, что он был установлен на вокзале. Иначе дело с транспортировкой Ильи обострялось бы куда сложнее. Когда Илья попросил спустить его по эскалатору, я сразу объяснил, что не могу и не хочу рисковать. Он ничуть не обиделся.

– Ну что вы? Быстрее! Быстрее! – поторапливал нас Костя, оборачиваясь к нам лицом.

– Успеем! – ответил Илья.

Но вряд ли Костя услышал, он был уже в зале.

– Ого! Классно! – присвистнув, воскликнул я, когда мы оказались в зале.

Белые стены прекрасно сочетались с потолком кофейного оттенка, а портреты деятелей искусства и светильники преображали зал. Окна здесь были занавешены длинными до пола

красными портьерами под цвет сцены, освещённой четырьмя крупными прожекторами.

Андрей вместе с девчонками находился на сцене. Борзик лежал на одном из стульев, обитом голубой тканью. Костя поднялся к остальным, забрал у Андрея сборник стихов, открыл где-то на середине и начал читать стихотворение «Я помню, любимая, помню», которое я слышал лишь однажды.

– Погоди, погоди... Кость, давай заново, – прервала Марина парня. – Сейчас всё спустятся, и ты прочтёшь нам, а заодно и что-нибудь своё.

– Да, очень интересно! – Андрей прыгнул со сцены и сел на стул, где недавно отдыхал с сестрой её мохнатый любимец.

Я поставил коляску в проходе рядом с сиденьем второго ряда, куда и сел.

– Итак, просим, просим! – захолопал Илья, дождавшись пока Настя и Марина разместятся в зале. Исключением стала лишь Ксюша. Она была увлечена чем-то, что находилось за правым занавесом за спиной Кости.

– Спасибо, спасибо, – Костя манерно поклонился, а затем снова начал читать стихотворение.

Творчество Сергея Есенина мне известно лишь по школьной программе. Стихотворение, которое читал нам Костя, я услышал впервые. Оно меня чем-то зацепило. Наверное, подсознательным желанием встретить вторую половинку. Ту, с кем мне было бы комфортно в жизни. У меня никогда не было девушки. Поначалу это не очень меня волновало, но позже я стал чувствовать себя одиноким. Все праздники встречал с друзьями, но и в их кругу был не в своей тарелке. Всё же они были в парах, а я был один.

Костя так проникся стихотворением, что многие из нас посчитали его настоящим автором произведения. В конце выступления Костя поклонился и сказал, что у него готово одно собственное стихотворение, поинтересовался у нас, не против ли

мы послушать. На это мы бурно отреагировали: «Он ещё спрашивает... читай давай! Хватит прибедняться, уверенней!»

Чтобы поддержать Костю, я свистнул так громко и продолжительно, насколько позволили мне лёгкие. Это привлекло внимание Насти. Она вместе с Мариной сидела впереди. Обернувшись, улыбнувшись, я ответил тем же. Потом Настя вновь посмотрела на Костю.

– Хорошо, я попробую. – Костя потянулся к левому карману бриджей, достал сложенный вчетверо, оборванный по краям, тетрадный лист. – Просто никогда ещё не читал своё публике...

– А как же поэтический клуб? – спросила Марина.

– И в клубе тоже... большую часть времени я слушал других участников. Они все уже взрослые, а я был самый «зелёный», так что общался, набирался опыта.

– Так, ладно, ребята, молчим! – прервал их Илья. – Не видите, парень волнуется, давайте слушаем. Зря, что ли, он трудился?

– Всё, молчу-молчу, – ответила Марина.

– Начинай! – крикнули в один голос Карина с Настей.

– Стихотворение написано недавно, поэтому есть ещё ошибки, и нет названия.

Костя начал читать вслух. Конечно, стихотворение ещё нуждалось в доработке, но уже сейчас чувствовался глубокий авторский смысл. Когда он закончил читать, на некоторое время в воздухе повисла пауза. Так иногда бывает, когда хочется поразмыслить наедине над тем, что услышал.

– Да, одновременно романтично и как-то грустно... – поделилась мнением Настя.

– Ничего, он ведь ещё учится, – сказала из-за кулис Ксюша. – Научится, у него вся жизнь впереди.

Мы все разом рассмеялись.

Часть 2

1

Две находки в один день

Учитывая, что лето встретило нас ранним утром прошлого понедельника, первая неделя пребывания на станции осталась позади. Вчера в десять вечера, когда Карина спросила, почему Илья не заказывает лето после Андрея, тот ответил, что уже использовал свою монету, и настала очередь Насти заказывать сезон. По часам в комнате переговоров наши времена года совпадали. Она так же, как и я, предпочитала осень, также находила в ней что-то по-своему необычное и одновременно притягательное. В одиннадцатом часу сочная зелень деревьев в одночасье сменилась опавшими цветными листьями, а трава высохла и обесцветилась, склонившись ближе к земле.

Так вышло, что из-за бушующего снаружи ветра и бьющего в окна дождя я проснулся раньше остальных. Скинув с себя одеяло, всеми фибрами кожи почувствовал, как по телу пробежал лёгкий, но вполне ощутимый холодок. Будить никого не хотелось. Одевшись и захватив с собой две тетрадки с лекциями по русскому и литературе, ручку и блокнот, я направился в библиотеку изучать пройденные материалы для того, чтобы приступить к созданию плана будущего произведения. Но перед этим забежал в одно из двух кафе под названием «Мерси», запасся шоколадными батончиками «Райт» и тремя баночками «Пепси». Наверное, у каждого творческого человека есть определённые ритуалы, подготавливающие его к созиданию и подчёркивающие его личность. Вот и у меня были такие. Ни строчки не напишу, пока не откушу батончик и не сделаю глоток газировки.

Уходить, не заплатив, стало неудобно. Чтобы не пятнать совесть, я решил положить деньги в кассу. Все ячейки оказались пусты, кроме двух. В одной лежали три купюры. Во второй, что пониже – мелочь. Ничего необычного, только вот одна монета выделялась среди остальных – она была пустой.

Второе кафе располагалось напротив и называлось «Купидон». «Видимо, какое-то особенное заведение для влюблённых», – подумал я и прошёл мимо, решив усесться на скамейке возле кафе.

Одной из особенностей моей работы над текстом было то, что писал я либо простым карандашом, либо ручкой с чёрной пастой, никаких синих или фиолетовых чернил я не признавал, только чёрной. Всё это потому, что мне приходится часто пользоваться текстовым редактором на ноутбуке, особое влияние оказали и книжки.

Изучив начальные заметки, я в центре листа вывел печатно:

**Черновик повести
Без названия**

Автор: Виктор Майков

– Чем ты занят? – услышал я знакомый голос, а когда отвлёкся, увидел Настю. Она только что зашла, прикрыв рот ладонью, чтобы зевнуть.

– Да так... пустяки... – я быстро закрыл блокнот и тетрадки. – Что, не выпалась?

– Есть такое. Я уже вставала, заказывала беседку, потом пыталась лечь снова, но уснуть не вышло. У меня всегда так: просыпаюсь, и что ни делай, заново уже не засыпается. – Девушка развела руками в стороны. – Ты, кстати, беседку-то видел?

– Нет, – в недоумении ответил я.

– Там, на поляне... – объяснила она. – Жаль только дождь с самого утра как из ведра льёт. Так бы сходили...

– А мне нравится дождь, – поделился я, – всегда любил гулять с друзьями, когда он начинался посреди дня и продолжался до самой ночи. Незабываемо!

– Ну, а мне осень нравится серыми буднями, благодаря им, я исполняю музыку гораздо лучше, чем в любой другой сезон.

Когда мы вышли на улицу и встали у входа в здание вокзала, дождь прекратился.

– Вон, взгляни, – девушка указала в направлении поляны.

За ночь ветер успел застелить поляну ковром из листьев. В её центре, действительно, стояла беседка. Такие можно встретить во дворе любого города. Но эту отличало от всех других бесконечное число оплетающих сверху донизу роз. Смотрелось, конечно, очень классно, но, чтобы описать все свои впечатления, подходящих слов у меня в голове не нашлось.

– Я заказала её, как напоминание о прогулках с друзьями. Кто знает, может, и к тебе придут воспоминания из прошлого, а вместе с ними вдохновение или идеи. – Сказала она.

– Вполне возможно! – ответил я.

– Ладно, пойду в актовый зал, попробую прорепетировать. Вчера Андрей помог мне донести виолончель до зала.

– Я зайду позже к тебе, – сказал я.

– Заходи.

– Интересно послушать, как ты играешь.

– Жаль, что Марина не сможет играть вместе со мной. У нас здесь на двоих одна виолончель, да и играть в один сезон у нас не получилось бы. Она классно играет исключительно зимой.

Мы говорили ещё минуту, а позже разошлись. Она подалась в актовый зал, а я – в библиотеку в компанию Данте, Беяева, Шекспира... в поисках отыскать в их окружении необходимое настроение для работы.

Больше всего писать мне нравилось под музыку. Традиции сочинительства, значит, традиции до конца! И вот, чтобы не изменять им, я захватил плеер. Давно убедился: музыка творит чудеса! Рисуя в воображении несчётное количество картин, музыка показывает нашу неразрывную связь с внутренним миром.

– ... о, смотрю начал что-то писать, да? – подъехал ко мне в кресле Илья. Углубившись в размышления, я не сразу заметил, как он оказался в библиотеке, соответственно, услышал лишь конец его фразы.

– Пробую, но мало что выходит... – я отложил блокнот в сторону, – погоди, как ты спустился? Кто-то из парней проснулся?

– Нет, самостоятельно, потихоньку по пандусу. Хорошо есть тормоза, иначе, думаю, впечатался бы в стену!

– Осторожнее в следующий раз! – ответил я и указал на две банки пепси, стоявшие на столе. – Будешь?

Илья согласился и поймал банку обеими руками.

– Илья, не знаю, хорошо ли тебе об этом говорить, но можно вопрос?

– Ты о коляске?

Я кивнул.

– Всё нормально! – газировка зашипела, как только он открыл банку. – Шесть лет назад, в начале лета, мы отправились всей семьёй в гости к родственникам. Я давно не виделся с братьями и, когда мы пошли гулять, они познакомили меня со своими друзьями. Во время прогулки парни показывали мне много разных мест в городе. Одним из них оказалось заброшенное, недостроенное здание. Мы облазили весь первый этаж, но, чтобы оказаться на втором, нужно было забраться по выступам снаружи... Все забрались, а я был последним. Из конструкции выглядывали железные прутья, за которые я надеялся зацепиться... Братья кинулись протягивать мне руки, а я всё равно не успел ухватиться, рухнув вниз. В конце концов,

ударился позвоночником о бетонный кусок плиты, – голос прервался, Илья отпил пепси и продолжил, – потом долго приходил в себя, вот и вся причина...

Я сидел и не знал, что ответить. Только, когда он сменил тему, мне стало по силам говорить.

– Чувствую, ты хочешь со мной чем-то поделиться. Я прав?

– Ага! – кивнул я. – У меня тут кое-что есть, – я выложил на стол пустую монету.

Поперхнувшись, мой друг спросил:

– Так ты её нашёл?

– Да, в кассе кафе совершенно случайно!

– В кассе?

Я объяснил, что не смог забрать шоколадки и газировку просто так, не расплатившись, решил положить деньги в кассу, где среди мелочи нашёл её.

– Пойдём наверх, ты это должен увидеть, – позвал Илья, резко развернув к выходу коляску.

Мы поднялись в мастерскую. Встали напротив мольберта, накрытого плотной материей, заляпанной красками всех цветов радуги.

– Это то, о чём я подумал?

– Я же обещал поделиться с тобой, когда закончу.

– Сейчас, я приготовлюсь, – я достал из кармана батончик. – Давай снимем накидку.

Когда я увидел то, что вышло на холсте, то чуть не уронил из рук батончик. Недавний эскиз преобразился в полноценную картину.

– Это пейзаж: поляна на станции, – объяснил очевидное Илья. – Решил немного поимпровизировать, и вот что вышло. Ну, как тебе?

– Красиво!

– Дорабатывал последние две ночи.

– Это видно! Шикарная работа!

Старания моего друга и вправду в полной мере отразились на его творении. Дерево на полотне было написано в точности, как изображения основных персонажей на игральных картах: сверху – обычное растение, снизу – дерево, но вверх тормашками. Четыре времени года идеально сочетались вместе, создавая приятную глазу композицию. В левом верхнем углу своё место отыскала весна. Природа приделась в нежные цветные наряды, такие как кремово-розовый, голубой и абрикосовый. В правом верхнем углу поляна и часть дерева заиграли характерной для лета палитрой ярких и сочных цветов: травянисто-зелёный, тёмно-жёлтый, оранжевый, где-то, самую малость, проглядывал вызывающий оттенок алого; в левом нижнем уголке свой приют отыскала повеявшая холодом зима. Такие цвета, как нежно голубой, контраст белого и чёрного придали зиме романтический образ, в котором легко уместились и нежные оттенки серого. Ну, а картину в целом, замыкая квадрат полотна, дополнили основные тёплые тона моей любимой осени. Плавающие оранжевые листья так и привлекали внимание, завораживая меня своим шармом и придавая настроению совершенно иное состояние. Также тут нашли своё место фиолетовый и красно-коричневые цвета.

– У тебя здорово вышло! – я поднял большой палец вверх.

– Ой, перестань... – отмахнулся парень и резко взглянул на полотно.

– Нет, правда!

– Ты, наверное, заметил, что каждая отдельная часть картины создаёт своё собственное настроение, отличное от остальных? – Начал издалека Илья, – я специально воспользовался таким приёмом. В живописи, как говорится в учебнике, цвет – главная составляющая! От него, как мне стало известно, зависит эмоциональное воздействие на зрителя. Именно

поэтому захотелось создать что-то такое, что вызвало бы во мне и в остальных, кто увидит эту картину, по-настоящему живые чувства, бурлящие абсолютно в каждом.

– Да, и правда ощущается, – одобрительно кивнул я. Убрал фантик от батончика в карман.

Илья рассказал, что в учебнике по основам живописи, который остался дома, давалось задание представить, что если все цвета в мире вмиг исчезнут, то мы увидим мир серо-белым. Согласитесь, если бы так действительно произошло хотя бы на день, то день этот был бы самым унылым, мёртвым и безэмоциональным в нашей жизни.

– Это очень интересно! Может, расскажешь мне ещё что-нибудь? Кто знает, вдруг мне это когда-нибудь пригодится.

– Хм, было бы неплохо, но... – он прервался на половине фразы, – погоди, это что там?

– Где?

– Ну вон, внизу, между полотном и деревянной планкой.

Илья подъехал к мольберту и начал вытягивать пальцами что-то золотистое. Приложив достаточно усилий, вытащил из щели пустую монету. Теперь у нас обоих было по важной монете.

2

Собрание в беседке

Мы продолжали стоять напротив полотна с поляной.

– Это значит всё? Скоро ты покинешь станцию? – я убрал фантик из-под батончика в правый карман джинсов, думая о том, что своё предназначение Илья на этой станции выполнил.

– Не могу сказать точно, – Илья пожал плечами, – но скорее всего это так.

– Хм, а почему тогда поезда всё ещё нет?

– Если б я знал, Витёк, – тяжело вздохнул он. – Подожди, может, в общей комнате что-то изменилось, раз я выполнил свою задачу на станции.

– Точно! – я положил тетрадки и блокнот в коляску Ильи.

Но и в комнате ответа не нашлось. Часы показывали то же самое: стрелка часов стояла на имени Настя в секторе «Осень». В секторе «Лето» имена Ильи и Андрея стояли на месте.

– Но в инструкции говорилось, что должен прийти поезд...

– Не знаю пока, что всё это значит, но что-то тут не так.

– Может, должно пройти какое-то время, – предположил я.

– Наверное. При мне ребята только прибывали, никто ещё не возвращался обратно. Я до недавнего времени вообще не знал, что мы с ребятами прослушали инструкцию не до конца.

– Нужно всем собраться.

– Где? Здесь, в комнате?

Я рассказал Илье о том, что утром Настя показала мне беседку, как в городе. Рассказал, что она напоминает девушке о друзьях и их прогулках, и сказал, что собрание мы можем провести там.

– Ну хоть какое-то разнообразие, – улыбнулся Илья.

– Тогда я унесу свои вещи и вернусь.

– Привет, мальчики! – Присоединилась к нам Ксюша. – Чем занимаетесь?

– Да так, болтаем, – я присел, чтобы быть пониже. – А знаешь что? Мы хотим на улице собрать всех ребят, поможешь?

– Помогу! – согласилась девочка.

– Сообщи всем, ладно? Скажи, чтобы все шли на улицу. Мы с Витей скоро подойдём.

Она не стала задавать вопросов, выбежала из комнаты.

Ветер дул нам в лица, когда я вывез Илью на улицу. До сих пор пахло дождём. Ребята уже сидели в беседке.

– Ну и как вам такая красота? – Карина держала в руке зелёную розу и время от времени наклонялась к ней, вдыхая аромат. – Отличная идея с этой беседкой! Теперь у нас есть новое место, где мы сможем проводить время.

– И эти розы... очень классные! – сказала Марина.

– Но мы тут не только полюбоваться розами собрались. Я прав? – взглянул на нас с Ильёй Костя.

– Правильно! – ответил я.

– У нас есть новая информация, которую мы нашли недавно.

– О чём она? – Костя скрестил руки на груди.

– Вчера я при Илье отодвинул сет-бокс и включил инструкцию.

– Оказывается, мы с вами прослушали не все...

– Почему? – Ксюша раскачивала ножками.

– И что там говорится?

– Речь идет о пустых монетах...

– До конца так и не понятно... Витя заметил надпись на одном из деревьев, когда все собрались на прошлой неделе, и сказал об этом мне. Мы решили не говорить вам, пока сами не разберёмся. А об остальном вы в курсе. Как мы поняли, пока есть монеты с сезонами, необходимо успеть что-то создать и при этом создать честно, не использовать монеты на улучшение работы...

– Точно! – Костя подмигнул девочке.

– Я правильно поняла, если кто-то не напишет музыку, картину вовремя, то уже не вернётся домой?

– Да, – подтвердил Илья.

– Но для чего здесь я? Я вот, к примеру, ничего не создаю... – Карина подошла к Ксюше и отдала розу.

– Мы с Ксюшей тоже, но я тут необходим как машинист, а она остаётся с ребятами, когда я уезжаю. Значит, ты тоже здесь для чего-то.

– Кстати, Костя, ты в актовом зале забыл свой сборник стихов.

– О, спасибо большое! Я никак не мог вспомнить, где его оставил. – Он отправился к Насте.

– Подожди, не уходи пока, – она достала из джинсов свёрнутый альбомный листок. Он уже порядком пожелтел от времени и был оборван по краям.

– Это что?

– Лист лежал внутри. Я не смотрела.

Парень вернулся к себе на место.

– Так, сейчас глянем... – он раскрыл лист, пробегая глазами по содержанию и шевеля губами.

– Ну что там? Читай вслух! – не выдержала Ксюша.

– Видимо, продолжение того стихотворения, – парень обернулся назад, в сторону деревьев.

– Хочешь сказать, стихотворение того погибшего поэта?

– Да, тут в конце стоит его фамилия.

– Ну прочти, прочти – не унималась Ксюша.

Осень

Эти облака, за которыми прячется солнце, –
Моя колыбель, мой выдох и вдох.
Этот ветер, что бьёт мне в оконце, –
Могила, память моя и покой...

– А дальше здесь многоточие, видимо, не дописал...

– Так, ребята, у меня для вас тоже есть сюрприз! – поделился Илья.

– Правда? И какой? – Марина взглянула на Илью.

– Пойдёмте, покажу.

– ...только вот в комнате переговоров никаких изменений, – продолжал объяснять Илья. – Хотя по инструкции за мной давно уже должен прийти поезд.

– Нет. Мне никакого маршрута на сет-бокс не поступало, – Андрей пожал плечами.

– Да и часы не били, – сказала Ксюша.

– Странно, может, не время ещё? – предположила Настя.

– Не знаю, мы сегодня с Витей нашли свои пустые монеты. Может, это с ними связано...

– Мы живём здесь уже достаточно. Кто месяц, кто неделю, и каждый день рождаются новые вопросы, – начал Костя, – а ответов всё меньше.

– Всё станет известно, но не сейчас. Со временем.

После того, как Илья показал нам свою картину, мы решили не возвращаться обратно на улицу. Ребята отправились по собственным делам. Илья остался в мастерской.

– Если что, то я первый на очереди прочитать, что успеешь написать, пока не настанет моё время уезжать. Не против? – сказал он мне напоследок.

– Без вопросов, – кивнул я. – Но, боюсь, это будет не скоро! План я напишу, но вот с его реализацией... будет сложнее.

– Ничего страшного. Ни одно произведение не создаётся быстро. Так что, думаю, если посидишь подольше – хуже от этого не станет.

– Это верно! Ладно, напишу немного, а потом в актовый зал. Обещал Насте зайти. Она в эту неделю обещала играть.

– Когда закончишь со своим детищем, то зайди за мной, пойдём вместе. Мне тоже интересно, как она играет. А пока я побуду здесь.

– Но что ты будешь делать здесь один? Картину уже написал...

– Я говорил, по-моему, что люблю поразмышлять? Со скуки не умру.

– Вряд ли ты мне помешаешь...

– Нет. Творчество как личная жизнь, здесь не место постороннему. Не хочу быть лишним.

– Ну, как знаешь, – пожал я плечами.

Я вернулся в библиотеку и сел за стол, положив рядом блокнот и тетради, за которыми пришлось вернуться в спальню. «Пепси» и батончиков больше не осталось, но это не мешало продолжать творить: я загорелся идеей.

Написать план оказалось не сложно. За основу взял новых знакомых и то место, где живу сейчас. Я понимал, что без хорошо продуманного сюжета и тщательного описания персонажей писать будет бессмысленно, строчить по принципу «куда кривая выведет» – рискованно. Прежде чем приступить к основному варианту, я решил составить график своей работы: днём – общение с ребятами, чтение книг, наблюдение за происходящим на станции и выводы; вечером – работа над книгой.

3

Профессиональные тонкости

Спустя пару часов я по просьбе Ильи привёз его в актовый зал, где в первом ряду сидели Марина, Карина и Ксюша; в среднем ряду расположился Костя. А Настя сидела посреди сцены. Она сидела, откинувшись для удобства на спинку стула. Я поставил коляску перед девушками, а сам присел рядом с Мариной. Мне захотелось узнать у неё каким образом нужно работать с виолончелью.

– Всё не так уж сложно, – ответила мне она. – Играя, исполнитель опирает виолончель на шпиль. Она должна быть под наклоном. Про положение рук, думаю, объяснять не обязательно, только если немного. Но об этом позже.

– Да, пока всё ясно! – понимающе кивнул я.

– Теперь смычок, он состоит из колодки и... не понимаю, а для чего тебе? Это же жутко скучно для человека, далекого от музыки...

– Нет, нет, это вовсе мне не мешает узнать! Это для дела. У меня появилась идея для книги.

– А-а-а, точно! Ты ведь начинающий писатель.

– Ага. Что же дальше? Смычок состоит из колодки...

– И волоса. По привычке исполнитель держит этот смычок большим и указательным пальцами, а прочие поддерживают. Рука не должна быть напряжена, наоборот, должна быть свободной и раскрепощённой... Много еще тонкостей, до вечера буду рассказывать. А знаешь, ты лучше у Насти спроси, она знает намного больше тонкостей о музыкальном инструменте. – Марина улыбнулась и понизила голос до шёпота. – Скажу по секрету: она жуткая зубрила, очень любит учиться.

Пока мы разговаривали, Настя продолжала играть и при этом лишь раз взглянула на нас. Всё остальное время она сидела с закрытыми глазами, а на её губах была милая улыбка.

Конечно же девушка не могла играть без перерыва. Время от времени Настя устраивала себе передышку, потом вновь приступала к игре. Первые две композиции были классическими, но мне были не знакомы, а вот третью я узнал по началу мелодии. Она звучала в одном из моих любимых фильмов: «Один плюс один». Этой композицией девушка завершила своё выступление. Может, у Насти и были ошибки в игре, но так как природа не одарила меня слухом, я этих ошибок не заметил. По-моему, сыграла она очень даже ничего.

Андрей повёз Илью к выходу, девушки и Ксюша тоже собрались уходить.

– Витя, пойдёшь на улицу?

– Нет, Карина. Я здесь посижу, мне нужно кое-что уточнить у Насти, – ответил я.

- Мы попозже подойдём.
- Хорошо. – Она с лёгкой улыбкой перевела взгляд с меня на Настю и тут же ушла.

Когда друзья ушли, я устроил Насте что-то вроде допроса.

- Можно вопрос?
- Спрашивай.
- Ты давно играешь?
- С седьмого класса. Однажды услышала Чайковского и мгновенно влюбилась в эту музыку! Сначала я пошла в музыкальную школу, а затем позвала с собой Марину.
- Я тут подумал книгу написать...
- Правда? А о чём?
- О нас. Об этой станции. Так сказать, автобиографичная история. Сможешь рассказать о принципе работы виолончели? Я уже узнал о положении инструмента от Марины, она сказала, что ты знаешь об этом больше.
- На самом деле мы знаем одинаково. А по специальной литературе.... Так я просто повторяю пройденный материал, вот и всё.
- Понятно.
- Скажи, а на чём вы остановились?
- На том, что при игре рука должна быть расслабленной.

Настя рассказала, что при ведении смычка звук может быть мягким только в том случае, если палец расположен на струне слишком близко к ногтю. Она показала сказанное на примере. Объяснила, что при работе левой рукой существуют позиции и переходы из одного регистра в другой. Это осуществляется движением руки вдоль грифа и изменением наклона пальцев.

- Преподаватель говорил нам, что при ведении смычка вверх, мы его толкаем, а вниз – тащим.

Далее девушка объяснила мне такие понятия как «флажолет» – обертон, колебание струны и «ставка» – вынос большого пальца на грифе. Также поведала о «пиццикато» – игра шипком.

– Это основные приёмы, – объяснила она, когда я поднялся к ней на сцену. Девушка положила виолончель и смычок в коричневый чехол. – Поможешь?

– Помогу! – я отнёс виолончель за кулисы. – А что ты играла в конце? Две классические композиции?

– «Лунную сонату» Бетховена и «Осень» Вивальди.

– Красиво!

4

Без возможности посещения

Во вторник в процессе бессмысленного снования по пустой спальне с блокнотом и ручкой я в очередной раз прочёл готовую часть будущей повести. От аккуратных строчек не отвлекали даже рисунки на полях, оставленные мной во время размышлений. Последний раз так красиво я писал только в девятом классе. В институте запись лекций и заметок стала небрежной, от чего у преподавателей возникало недовольство всякий раз, когда мне необходимо было сдавать тетрадь на проверку. Я постоянно обещал, что исправлюсь, но ни на йоту не подтверждал свои слова делом.

Размышляя над работой, решил прогуляться. Перед выходом на улицу пришлось накинуть кофту, чтобы не замёрзнуть во время прогулки. С наступлением осени здесь поднимались прохладные ветра. Мне нравилось писать, вдохновляясь реальными декорациями природы. Да... многое случилось с того момента, когда мы с Кариной впервые ступили на перрон станции и мне сразу стало ясно, что здесь всё по-

особенному... В этот раз прогуляться я решил не только из-за желания. Стоя в спальне и выглядывая из окна, я увидел, как заботливо Ксюша ухаживала за растением внизу. Вчера я показал девочке новое дерево. Непонятно только, где она отыскивала небольшую белую лейку, чтобы поливать его.

– Доброе утро! Смотрю, тебе нравится ухаживать за этим деревом, да? – сказал я, спустившись к девочке.

– Ага! Нравится. Точно! – закивала Ксюша. – У нас дома было много маминых цветов. Я всегда помогала ей поливать, чтобы они жили дольше.

– Скучаешь по родителям? – задал я глупый вопрос, после которого девочка погрузилась в грусть и прошла мимо меня, совершенно неожиданно принявшись считать огоньки ещё горящих фонарей.

– Раз огонёк, два огонёк, три...

– Ксюша, а зачем ты их считаешь? – я выглядел со стороны чересчур дотошным со своими вопросами, но мне, действительно, было интересно.

– Они напоминают мне о доме. – Объяснила она. – За ним по всей дороге стояли фонарики-огоньки, которые горели ночью или утром, вот прямо как сейчас.

– Где ты нашла эту лейку?

– Костя нашёл мне её в комнате переговоров. Там много всяких разных вещей, если внимательнее осмотреться. Дерево хорошо себя чувствует, я поняла это, когда увидела, как оно быстро растёт, – объясняла она свои действия.

– Быстро растёт? – я оглянулся, чтобы убедиться.

Новое дерево и вправду стало выше. Количество его ветвей увеличилось как минимум вдвое. Растение соответствовало сезону, оно не собиралось распускать листья.

– Да. Очень быстро! Чтобы стать хоть чуточку выше, мне теперь приходится вставать на носочки.

– Вот как?

– Ага... – кивнула девочка.

– Чем будешь сейчас заниматься? – поинтересовался я.

– Не знаю, – пожала плечами Ксюша, – в комнате нашла мелки, так что порисую что-нибудь на улице. – Она достала из заднего кармана брючек три цветных брусочка: розовый, голубой и зелёный. – Потом поиграю в классики.

– Одна?

– Вы все уже взрослые, вам не интересно.

– Ничего подобного! – раздался за моей спиной голос Марины. Когда обернулся, увидел её и Марину.

– О, девчонки, доброе утро! Вы что, только встали?

– Да, – кивнула Марина.

– А вот Настя, похоже, и не засыпала, – предположила Карина. – Я проснулась раньше Марины, зашла в актовый зал, а Настя там уже играла.

– Нет. Она точно ложилась спать ночью. Ты уже спала, когда она легла.

– Да? Я не знала, значит просто встала раньше.

– Давай я унесу лейку обратно.

– А мы тебе поможем нарисовать дорожку, хорошо? – сказала Марина.

– Да, – улыбнулась Ксюша и начала рисовать квадрат на асфальтированной дорожке.

Девушки принялись помогать Ксюше, а я отправился к зданию вокзала, чтобы вернуть на место лейку, а заодно зайти в актовый зал, побыть с Настей и поздороваться с остальными.

В комнате переговоров в кресле сидел Костя. Сборник Есенина лежал на подлокотнике. Парень делал на альбомных листах записи простым карандашом. В левой руке он держал несколько нетронутых листов.

– О, доброе утро! – махнул мне ладонью, когда я зашёл. – Как успехи в творчестве?

– Пока всё идёт неплохо, – признался я. – А у тебя Муза уже побывала?

– Если бы... – Костя почесал затылок обратным концом карандаша, – нет, как ни старайся, осень – это не мой сезон для создания стихов. – Он убрал листы и карандаш и взглянул на меня. – Я в этом неоднократно убеждался.

– Подожди, а как же то стихотворение, что ты читал нам на днях? Ты его уже отредактировал?

– Я собирался, но у меня проблема: я пишу черновой вариант, всё устраивает, но стоит тексту полежать неделю или две, чувствую какое-то отторжение. Иногда хочется сжечь и развеять пепел по ветру и больше никогда не возвращаться к нему.

– Хм, мне это знакомо! Очень хорошо знакомо! – я сел на диван напротив Кости.

Я отлично помнил, как мне были чужды собственные наброски первых рассказов. Их так и не принял ни один из знакомых мне журналов. Лишь спустя время я понял: проза, если она по-настоящему жива, дышит; даёт возможность вновь посетить те прекрасные дни, когда мы пальцами впервые почувствовали холодное дуновение ветра и влажное прикосновение губ при поцелуе у реки. Она возвращает нас туда, где когда-то невольно влюбились или нашли место в обществе. Пережитые нами однажды моменты уже никогда не вернуться... Но это естественно, во многих пособиях для новичков рекомендуют дать тексту отлежаться некоторое время, чтобы автор смог позже взглянуть на собственный замысел под иным углом, – закончил я.

– И как, помогает?

– Да. Поначалу невыносимо тяжело, хочется забросить и спрятать созданное далеко в ящик стола. Но, если втянешься в процесс, тебе сразу станет легче! – ответил я. – У тебя такой шанс заявить о себе, скажи мне, так почему бы им не воспользоваться? Тем более девушкам нравится поэзия.

– Увы, не в такой форме, как это делали классики... – парень взглянул на сборник стихов Есенина.

– Ну и что? Особенно им нравятся парни, которые пишут песни, – я не отрывал взгляда с Кости. – Ты вполне мог бы направить свои способности в это русло, подумай об этом, – добавил я.

– О, нет, нет, я точно не автор песен, – замотал он головой. – Однажды был горький опыт.

– Ты старайся, и всё получится!

– Ну не знаю... прошлый опыт вынудил меня дать себе зарок – никогда не петь. Тем более не записывать это.

– В смысле на камеру?

– Нет, делать обычную аудиозапись. Я как-то раз пришёл к другу, он пишет песни и у него, кстати, это прилично выходит. Так вот я рискнул записать собственные стихи в стиле рэпа. Слил в Интернет на страничку и получил много как хороших, так и нелицеприятных отзывов от знакомых и сокурсников. После чего решил: буду писать стихи, но никогда не стану петь или читать на запись.

– Без критики никуда, – понимающе сказал я. – Критика не повод ставить крест на любимом деле. Это лишь очередная ступень на пути к саморазвитию!

– Да, когда я десять раз или около того послушал запись, решил удалить её с концов.

– Ты всё-таки постарайся поправить уже написанное стихотворение. Не хватайся за всё подряд. А то получится, как в известной пословице про зайцев. Ты можешь начать не обязательно сейчас, вполне возможно, тебе поможет твой сезон – весна. Конечно, странно, что я даю советы в сфере, в которой совершенно не разбираюсь, но думаю, так будет вернее всего.

– Всё покажет время, – ухмыльнулся Костя.

– Пойдёшь в актовый зал? Поддержим Настю, да и поведемся с остальными.

– Да, конечно, – Костя оставил листы и сборник там же на подлокотнике кресла. Когда встал, из кармана его безрукавки выпала монетка.

– Это что, пустая монетка, да?

Он резко опустил за ней и, поднявшись, растерянно ответил:

– Что? Да...да, нашёл...

– Где?

– Да так, гулял в чаще деревьев, смотрю, а она под листьями лежит.

– Ты разве гулял там? Один?

– Да, но туда лучше не ходить. Мрачновато, знаешь ли.

– Ладно, один не пойду – пообещал я, улыбнувшись, – ну что, пошли в актовyy?

– Да, пошли, пошли, – парень убрал монету обратно в карман. – Я позже покажу тебе кое-что.

– Правда? На вокзале?

– Ага, – он кивнул. – Кафе с необычным названием «Купидон».

Настя сидела на сцене и разбиралась с нотным листом, установленным на деревянной стойке напротив.

Мы с ребятами расположились в первом ряду зала. Все, кроме Кости. Он, как обычно, сел в середине. Мы с Ильёй разговорились, и я рассказал, что Костя нашёл свою пустую монетку среди деревьев на поляне и как-то странно повёл себя, когда монетка случайно выпала у него из кармана. Илья сказал, что вполне возможно, я себя накручиваю.

Поначалу я не замечал, что Ксюша и Илья сильно подружились, но один эпизод показал, как близки они стали за незначительный срок.

– Илюша, дай мне свою ладонь, пожалуйста, – попросила девочка.

– На вот, пользуйся, – Илью умиляло обращение Ксюши к нему и не только. Её общение с нами было необычным, впрочем, такой же необычной была и сама Ксюша.

Девочка ладонью поддерживала запястье Ильи, а указательным пальчиком правой нарисовала на ладони сердечко.

– Что это? – удивился он.

Удивился и я.

– Так каждое утро мама показывала нам с Андрюшей, как сильно нас любит, – объяснила она, – но мы с тобой будем так здороваться, хорошо?

– Это круто, я не против, – улыбнулся Илья, и они обнялись.

К вечеру ребята решили выйти на улицу. А мы с Костей пошли к кафе «Купидон».

– Оно, видимо, для влюблённых, – предположил парень.

– Я тоже так подумал, когда заходил в «Мерси», – ответил я.

Мы остановились у стеклянных дверей кафе. Костя надеялся, что они сами откроются, как и у входа в комнату переговоров, но, увы, этого не произошло. Я пробовал потянуть за ручку одну из дверей, правда, неудачно. Мы даже принялись открыть их общими усилиями, но всё оказалось тщетно.

– Может, вот в чём дело, – сказал Костя и обратил моё внимание на круглую выпуклую из стены фигуру, напоминающую барельеф с огибающей синей лентой по краю. – Наверняка, открывает по отпечатку.

Он приставлял пальцы по очереди в надежде попасть внутрь: большой, указательный, средний... Ничего не вышло.

– Бесполезно, – замотал головой он. – Нет, ну как-то же они открываются? – произнёс вслух и надолго замолчал.

– Да, открываются, но, может, мы ещё вернёмся к этому.

Мы вновь прислонились лицами к стеклу, и в темноте по ту сторону не обнаружили ничего удивительного, кроме столов, расположенных в шахматном порядке, вешалок для одежды да стойки заказов. Из-за отсутствия света в помещении кафе больше

ничего разглядеть не удалось. И даже света из холла не хватало, чтобы лучше разглядеть мелочи, скрывшиеся в потёмках.

– Ладно уж, тут нечего ловить, пошли к ребятам? – позвал меня Костя и скрылся за углом.

Я ещё раз взгляделся в зал кафе и, поняв бесполезность занятия, догнал парня.

Уже на улице, сидя в беседке напротив Кости, который оживлённо рассказывал историю из жизни, я позволил себе отвлечься на Марину и Илью, которые лежали на траве, и услышал один занятный диалог.

– Илья, вот было у тебя такое, что смотришь в определённое место и думаешь: это всё не по-настоящему, не наяву?

– Хм. Ты знаешь, к сожалению, нет. Не припомню подобного... – ответил мужской голос. – Но однажды я пережил удивительный момент: мне тогда только-только исполнилось двадцать. Я, как обычно, рисовал дома, а потом решил прогуляться, несмотря на пасмурную погоду. Мне захотелось проветриться, полюбоваться городом, людьми, в общем, так я и проездил полдня с улыбкой до ушей по серому городу, пока в моём воображении не появилась девушка с полными бумажными пакетами руках. Она шла во всём синем, от куртки до туфель и выглядела так эффектно и обаятельно, что у меня дух перехватило. Я представил, как мог бы с ней познакомиться. Вообразил, что она случайно роняет один из пакетов. Из него в разные стороны вываливаются фрукты: мандарины, бананы, киви... а я решаюсь ей помочь и она не противится, наоборот, принимает мою помощь.

– И как, встретил? – Марина перевела взгляд с неба на Илью.

– Мы пересеклись на мгновение. Она оказалась хохотушкой, но без пакетов, а с сумкой на плече. Мы поздоровались. И только потом, обернувшись, я увидел, что она сделала то же самое. Её внешность показалась мне знакомой, в голове будто перемкнуло,

возникло убеждение, что мы были знакомы когда-то давно. Я попытался вспомнить, где же мог видеть её раньше, а она оказалась героиней моего воображения, персонажем начатой в тот день картины, которую мне всё-таки удалось закончить, как только я вернулся домой... В тот день я окончательно убедился, что мысль материальна, понял: улыбка – лучшее средство изменить жизнь к лучшему.

Не знаю почему, но услышав этот разговор, я почувствовал, что ту самую девушку Илья всё-таки нашёл. И она вовсе не была его воображением. Девушки из воображения не могут быть такими внимательными. Он был влюблён, иначе зачем парню лежать вместе с девчонкой, держать её за руку и большую часть беседы как бы невзначай поворачивать голову и смотреть на неё?

Она также была равнодушна к Илье. Стоило один раз увидеть, как она с ним говорит, как помогает, когда ему это необходимо, и тут же все сомнения, словно дым на ветру, развеиваются сами собой.

5

Приступ

Четверг начался с коллективной уборки. В этот раз мы дружно принялись убирать листья на территории станции. Инициатором стала Ксюша.

Мы с Андреем и Костей приоткрыли окно, впустив в спальню прохладного осеннего воздуха, продолжительное время наблюдая за маленькой девочкой, усердно наводящей порядок. Она уже собрала две внушительные жёлто-оранжевые горки

листьев у самого здания вокзала и остановилась, решив передохнуть. Она сорвала пару-тройку белых одуванчиков и по очереди дула на них со всей силой. Парашютики зависали недолго в воздухе и медленно ложились на траву.

Андрей постучал по стеклу костяшкой указательного пальца, чтобы поздороваться.

Девочка обернулась и замахала нам в знак приветствия.

– Инструменты там, – она указала справа от себя, вытянув руку.

– Хорошо, мы скоро выйдем, – когда я повернулся к ребятам, увидел, что Андрей принялся переодеваться.

Я вернулся к колыбели подобрать подходящую одежду для уборки и обратил внимание на Костю, смотрящего в окно. Он был чем-то озадачен и, видимо, был не в настроении.

– А ты пойдёшь? – поинтересовался Андрей, обувшись.

– Никогда не любил субботники, – ответил Костя протяжным занудным голосом.

– Да пошли, вот увидишь – будет весело! – позвал я.

– Может, позже присоединюсь к вам, – неуверенно пожал он плечами.

С одной стороны, я понимал Костю. Когда перешёл в новую школу, сам не поддерживал это занятие, считал его жутко скучным и, когда предоставлялась возможность, отлынивал. Позже, наблюдая за ребятами, изменил своё мнение, присоединившись к остальным. С другой стороны, мне казалось, что он, как и я когда-то, просто отлынивает.

На самом деле на субботниках можно поговорить обо всём и в то же время – ни о чём, убив время, зато насмеявшись вдоволь до колик. Учителя, конечно, периодически запрещали «болтать впустую», но это происходило только в тот момент, когда мы напроць забывали об уборке и общались без умолку, стараясь бессмысленно перекричать друг друга.

Однако под конец уборки невооружённым глазом было видно, что спортивная площадка общими усилиями становилась чище и масштаб проделанной работы увеличивался...

– ... да и голова болит, – продолжил он, приложив ко лбу раскрытую ладонь. – Лучше останусь редактировать стихотворение в своей колыбели, – он взглядом показал на неё.

– Ну хорошо, как знаешь, – выдохнув, сказал Андрей.

– Если что, обязательно приходи, – сказал я напоследок, и мы с Андреем спустились.

Весь инструмент оказался внизу в просторной кладовой. В ней спокойно могли бродить четверо человек, но пока никто из девушек не спустился, бродили по ней только я и Андрей. Мы нашли лопаты, грабли, садовые ножницы, а также перчатки для удобной работы. Некоторые совсем новенькие, другие вовсе непригодные для работы. С такими недолго и занозы получить, на них не осталось ничего, кроме огромных дыр.

Мы отобрали пять грабель и отложили ещё одну для Кости. В случае, если он придет, может спокойно взять перчатки и инструмент. Также взяли единственную метлу, чтобы убрать листья с асфальтовой дорожки, окружающей основную территорию станции.

Все разобрали свои инструменты, а мы с Кариной стояли у входа в кладовую. Я приставил двое грабель к стене. Прикрыл дверь.

– Витя, а почему Костя не идёт?

– Говорит, что неважно себя чувствует, хочет поработать над стихотворением, кроме того он не любит субботники.

– Хм, странно, даже Настя прибирается.

– Ещё сказал, может быть, придёт позже. – Добавил я. – Ну что, поможем подрастающему поколению?

– Конечно, – улыбнулась Карина. Она надела перчатки, взяла инструмент. – Идешь?

– Да, скоро выйдем. Я за Ильёй в его мастерскую.

– Хорошо, – Карина направилась к выходу.

Все изъявившие желание были в сборе.

Ребята разошлись по разным участкам и принялись за уборку территории. Илья и Ксюша остались со мной.

– Ксюша, ты хорошо поработала! – похвалил Илья.

– Спасибо, – улыбнулась она, – мне ещё дерево нужно будет полить, – девочка указала вдаль, где новое дерево стало выше прежнего, – я уже всё подготовила.

Я надел перчатки, взял грабли и выбрал наиболее проблемный участок. Листья собирал в горку, которая со временем становилась всё больше и больше.

– Так это правда? Ты говоришь, то кафе заперто? – решил продолжить вчерашний разговор Илья, когда Ксюша ушла поливать дерево.

– Да, закрыто, – кивнул я. – Мы с Костей не смогли открыть дверь. Но на стене справа установлена штука, очень похожая на счётчик... – Добавил я, убедившись, что нас никто не слышит.

– Счётчик? Ты о чём? – нахмурился в недоумении Илья.

– Ну да, наподобие тех аппаратов, которым необходим ключ для входа.

– Бред какой-то. Это же простое кафе, зачем там пропуск?

Я поставил грабли прямо и немного прислонился к ним.

– Говорю только то, что видел, больше ничего.

– Нужно будет обязательно сходить. Ничего просто так не бывает. Может, найдём ответ, и получится открыть кафе.

– Сходим. Можно и после...

Я хотел предложить Илье сходить к кафе после уборки, но отвлёкся на Карину.

– Настя, это твоя? – Карина подняла с земли в беседке сожжённую нотную тетрадь.

– На ней живого места не осталось, а почему ты решила, что она моя?

– Она и вправду почти полностью обгорела, но тут на заглавной странице в поле для имени написано: Анастасия Светушенко. Это же твоя фамилия, правильно?

– Да, точно... моя... – Настя оглядела всех и в слезах убежала к зданию вокзала.

Оставив инструмент, я повёз Илью к беседке, Андрей тоже подтянулся с другого конца поля.

– Действительно, её тетрадь, – сказал я, подняв остатки страниц, обгоревших по краям. От них на пальцах остались чёрные следы, как, если бы я взял использованное бревно после костра.

– И кто мог так поступить? – Илья возмущённо смотрел на страницы в моей руке.

– Если бы я знал, Илья. Честно, понятия не имею, – развёл я руками в стороны.

– Видимо, пора закругляться с уборкой, – Карина подняла с травы грабли и отправилась к девушкам.

– Ксюша? – крикнул Андрей. – Что с тобой? – не раздумывая, он кинулся к сестре. Она громко кашляла и лежала возле дерева. Там же, в стороне лежала лейка, из которой вытекла оставшаяся вода.

Я молча стоял не в силах что-либо вымолвить. Казалось, и пошевелиться не получалось, но моё чувство реальности вернулось ко мне.

– Поехали! Скорей! – повысил он тон.

Кашель у Ксюши усилился

– Что случилось? – вырвалось у меня.

– Ксюша... – Андрей сел на колени рядом с сестрой

– Что случилось? Что с Ксюшей?... – обеспокоенно спросил Илья.

– У неё астма, я разве не говорил? – парень на секунду посмотрел на нас и вновь перевёл взгляд на девочку. –

Ингалятор, ребята, вы не видели ингалятор? Сестрёнка... ты его брала?

– Нет... кхм, кхм, я его... кхм... забыла... кхм, кхм...

Не обращая больше на нас внимания, Андрей взял девочку на руки и быстро прошёл мимо Ильи, который переживал за его сестру не меньше.

– Тебе помочь? – крикнул я вслед.

– Нет, я сам донесу!

Кашель прекратился.

– Куда? – Илья самостоятельно покатил коляску. Я шёл рядом, чтобы помочь.

– В спальню девочек.

Наверху у двери ноги Андрея начали подгибаться. Он устал, едва удерживал девочку на руках.

Из мужской спальни вышел Костя.

– Что случилось?

– Приступ у неё! Помоги, а!

– Точно... у Ксюши же астма... – стукнул себя по лбу Костя.

– Костя, ну открой ему! Не тормози...

Костя открыл ему дверь. Андрей вошёл в спальню и сел у стены, не в силах стоять. Но, несмотря на усталость, не переставал обнимать Ксюшу, прижимая к груди.

Костя нажал на стене кнопку. «Колыбель» под номером «1» спустилась вниз.

Мы с Ильёй въехали первыми, девушки уже находились в спальне.

– Её нужно положить, – Костя забрал девочку у брата и бережно положил в колыбель.

Как оказалось, ингалятор лежал внутри «колыбели», но как мы ни старались, привести девочку в чувство так и не смогли.

– Что теперь будет... – Андрей подогнул ноги.

– Не бойся, Андрюха, всё будет хорошо! – обнадёжил Илья, подавшись вперёд. Он протянул парню руку. – Возьми, тебе нужнее...

– Что это?

– Моя пустая монета, подойди к сет-боксу и загадай, чтобы с Ксюшей было всё в порядке, она работает так.

– Скажи, почему ты нам помогаешь, ведь она могла тебе самому пригодиться.

– Мне важно сделать хоть что-то хорошее для того, кто рядом. Сколько помню, я всегда жил только ради себя. Больше не хочется этого, не хочется думать, что мир крутится вокруг меня одного. Это вовсе не так.

– Спасибо тебе! – Андрей пожал руку Ильи и принял монету.

– А теперь давай за дело!

Андрей вытер с лица слёзы, подошёл к сет-боксу, пустил монетку и на дисплее отобразилась надпись: *Кислородная маска готова к использованию!*

– Смотрите, мальчики, – сказала Марина.

На колыбели образовалась стеклянная дверца с кислородной маской прямо над лицом девочки. Дверца закрылась, издав шипение, и «колыбель» поднялась вверх.

– Ты плачешь? Почему? – я встал напротив Кости, сидящего в беседке со сложенными руками на поджатых коленях. Он прятал лицо.

– И вовсе я не плачу... – он начал отрицать очевидное, сметая слёзы с покрасневших глаз. Их я увидел, когда парень поднял голову.

– Так что же всё-таки случилось? – переспросил я.

– Это невозможно больше терпеть! Мне скоро двадцать, а я до сих пор ухожу из дома по вечерам. Ухожу, чтобы спрятаться в каком-нибудь безлюдном месте, где меня никто не увидит, и вою белугой... Вою из-за того, что, как не пытался я, так и не

обзавёлся друзьями, с которыми было бы всё общее – радость и горе, походы и поездки... Так и не признался в любви и не смог отстоять честь девушки из-за трусости. Не порадовал родителей знаками отличия ни в учёбе, ни в спорте... ни в чём... Неправильный я какой-то...

– Знаешь, в некоторой степени я тебя понимаю. Но послушай, что я тебе скажу: люди в принципе не идеальны. Это тот самый факт, который оспаривать бессмысленно... а если и надумаешь, остановись! Иначе загонишь себя в тупик и будешь жалеть. Не заморачивайся, не думай об этом долго, просто выкинь из головы. Потом сам почувствуешь, что жить без подобных мыслей станет легче.

Я подошёл к нему ближе и протянул ладони.

– Видишь их? В них лежал молоток всего пару раз и оба – неудачно. Я раньше думал точно так же, как ты, но позже решил смириться и заняться тем, что приносит мне удовольствие.

Я пишу, чтобы выговорится. Оставить себя во всех историях, которые приходят мне в голову в надежде, что однажды моим родным и близким станут интересны все эти записи в моём блокноте. Многие психологи даже практикуют такой способ лечения на своих пациентах и, как мне известно, это достаточно действенный метод.

– За те несколько недель, что мы живём вместе, я привязался к каждому из вас... Но в последнее время со мной что-то происходит. Раньше не был таким, а сейчас сильно изменился... испортился... знал, что у Ксюши проблемы со здоровьем и...

– Подожди, почему ты так о себе думаешь? – перебил я его. – И при чём тут она? К чему ты клонишь?

– Это я украл её монету. Украл, когда сдался и перестал искать собственную...

– Что? – отстранился я на шаг.

Он закрыл рот ладонями не в силах больше сдерживаться, глаза его вновь налились слезами стыда. Он отвернулся в другую

сторону. Но меня взволновало совсем другое. Я не мог больше сдерживать себя и, наконец, накинулся на него. Схватив его за грудки, принялся трясти со словами: «Что ты наделал?! Девочка ведь в коме сейчас, а если она не очнётся... как быть Андрею?!»

Он оттолкнул меня, да так, что удержаться на ногах не получилось, и я рухнул на землю, чуть не стукнувшись затылком об угол деревянной скамейки.

– Ну, что? Что ты хочешь от меня услышать? Да, мне противно от самого себя! Противно, что я оказался такой сволочью, и не смог пересилить себя, наплевав на совесть. Понимаешь ты, нет? Но, что с этим делать я не знаю...

– Надейся, что девочка выживет!

Спустя несколько минут мы успокоились.

6

Новый маршрут

Утренний субботний душ помог мне немного расслабиться. Развеев ненадолго переживания о самочувствии Ксюши и мысли о поступке Кости. Когда открыл дверь в женскую спальню, предварительно постучавшись, обратил внимание на Андрея, сидящего на полу у стены недалеко от «колыбели» его сестры.

– Сколько ты уже так сидишь? Всё утро, что ли?

– Вроде того, – уставшим голосом ответил он и одобрительно кивнул. – Не мог заснуть ночью. И зайти не решался. Не хотел лишний раз будить девчонок.

– Может, тебе пойти и выспаться, как следует? – предложил я.

– Нет, не хочу.

– Давно она болеет? – я взглянул на лежавшую девочку. Колыбель была спущена, и Андрей спокойно наблюдал за сестрёнкой.

– С рождения. У неё бронхиальная астма. Если ей вовремя не использовать ингалятор, то начинается приступ.

Девушки ещё спали. Я сел рядом с Андреем.

– Ксюша уже давно в этом состоянии, раньше такого никогда не было... Как это называется, когда человек теряет сознание так надолго? – парень растерянно взглянул на меня.

– Я не специалист, но, если не ошибаюсь, это кома. Бывает так, что на человека влияет что-то определённое, и у него в голове происходит нарушение, – как мог, объяснил я. – Но это не точно, так что вполне возможно, что я могу и ошибаться.

Андрей вытащил из кармана ингалятор и принялся рассказывать, что часто напоминал Ксюше держать баллончик при себе. Тяжело вздыхая на протяжении всего разговора, сжимал ладони в кулаки, да так крепко, что раз от раза в спальне поднимался хруст костяшек его пальцев.

– Думаю, тебе нужен отдых. Не хочешь спать, просто полежи, – моя ладонь тронула его за плечо.

– Хорошо, пошли, – кивнул Андрей, и мы поднялись с пола.

Не успели дойти до двери мужской спальни, как внезапно услышали за ней звонкий щелчок, за которым последовал знакомый женский голос:

– Внимание, все! Новый маршрут! Поезд прибует на станцию примерно через час, поэтому убедительная просьба к номеру семь: соберите вещи. Вы возвращаетесь домой.

Андрей тут же кинулся к сет-боксу, принялся внимательно изучать предстоящий маршрут, вглядываясь в ломанные и полукруглые жёлтые линии.

Я тут же перевёл взгляд на Илью. Он спал в «колыбели» под названным номером.

– Илья? Ты уезжаешь? – обернулся Андрей.

– Ты всё слышал сам. Это должно было когда-нибудь случиться.

Костя сидел в собственной «колыбели». Он и бровью не повёл, хотя всё прекрасно слышал. Илья обратился к нему, сказал, что нас станет на одного меньше, но тот ничего не ответил.

– Да, но... – продолжил Андрей и обернулся к двери, – как я могу оставить Ксюшу в таком состоянии? Неизвестно, сколько времени займёт дорога.

Я попросил его не переживать, пообещал, что за Ксюшей мы обязательно присмотрим, а в случае перемен он всё узнает, как только вернётся. Андрей, задумавшись, долго стоял на месте, но в результате согласился:

– Я отвезу тебя, Илюха, – он переключился на меня, – только, пожалуйста, не спускайте с неё глаз.

Я одобрительно кивнул.

Часы на улице громко пробили двенадцать раз. Мои наручные часы показывали одиннадцать, когда послышался первый удар. За прошедший час успели проснуться девушки. Мы всё им рассказали.

– И когда пришло сообщение? – Карина стояла у окна, наблюдая за происходящим снаружи. – Поезда что-то пока не видно.

– Недавно, – на коленях Илья держал собранную коробку с принадлежностями для рисования, с которой прибыл на станцию, – он приходит не сразу. Нужно немного подождать.

– А как же картина? Ты разве не возьмёшь её с собой?

– Нет, Настя, не возьму. Фестиваль в любом случае закончился, а картина, думаю, должна находиться здесь. Оставлю на станции немного себя. Если захотите связаться со мной, то заходите в мастерскую.

– Я тебя не забуду... – на глаза Марины навернулись слёзы.

Он взял руку девушки и, не отрывая взгляда, сказал:

– И я тебя. Мы обязательно скоро увидимся! Не знаю почему, но я точно знаю, что это произойдёт.

– Обещаешь? – девушка вытерла слёзы и улыбнулась. Она расцвела, словно это была одна из роз, оплетающих беседку.

– Вот увидишь, – кивнул Илья. – Нужно только недолго подождать.

Происходящее вызвало у всех, кто находился в женской спальне, бурю неописуемых эмоций, и я был в их числе.

Потом он подъехал к «колыбели», привстал, немного подавшись вперёд, зацепился руками за борт и, наклонившись к лицу Ксюши, прошептал:

– Ты меня слышишь, я точно знаю, – улыбка его была едва заметна. – Ты самая чудесная, кого когда-либо встречал в жизни. Ты – особенная! Не забывай об этом, пожалуйста. Навсегда запомню тебя, считающей огоньки ранним утром... – теперь слёзы проступили и у него, – это наше второе «сердце на ладони», правда сейчас – прощальное... – он развернул ладонь девочки и кончиком пальца нарисовал сердце.

Слова Ильи в адрес Ксюши настолько растрогали Андрея, что тот без лишних слов крепко обнял его.

– Спасибо тебе, Илья, огромное спасибо за всё! – произнёс он.

Поезд направлялся навстречу к нам, стоящим на второй платформе. На перрон вышли все, кроме Кости. Он остался в здании вокзала и даже не вышел из спальни попрощаться с Ильёй.

Мы вышли примерно за десять минут до того, как увидели поезд вдаль. Он дал знать о себе привычным, неоднократным сигналом. За это время мы обменялись с Ильёй уже ничего не значащими фразами. Остальные наблюдали.

– Приятно было познакомиться.

– Взаимно, – мы пожали руки.

– Так и не исследовали кафе, как собирались...

– Ничего, значит, эта задачка для тебя.

– Мы увидимся? Как думаешь?

– А как же, – улыбнулся он, – должен же я прочитать твою книжку, так что начинай писать, а то завтра уже закончится осень.

Я наклонился к нему и сказал, что не успею написать повесть за сутки, но рассказ вполне достижимая задача. Сказал, что возьму один эпизод из жизни на станции и обязательно опишу.

Я выпрямился.

Илья достал из кармана свою пустую монету. Но в этот раз она оказалась совсем не пустой: на обратной стороне появилось изображение локомотива. Илья рассказал, что обнаружил рисунок утром, когда одевался, спустя несколько минут, перед тем, как мы с Андреем вошли в мужскую спальню и сет-бокс объявил о новом маршруте.

Поезд остановился. Андрей поспешил к кабине машиниста, и женский голос попросил Илью зайти в вагон.

Девушки плакали и обнимали Илью на прощание. Я снова пожал его руку и крепко приобнял.

Откуда ни возьмись, появился Костя, он бесцеремонно растолкал девушек, пробившись к лестнице вагона. При этом не обратил ни малейшего внимания на то, что в результате сбил с ног и Карину и Настю.

– Ты чего делаешь, придурок? – вырвалось у Насти. Она с трудом поднялась и помогла подняться Карине.

– Костян, что случилось, ты куда? – в один голос крикнули мы с Ильёй.

– Отпустите, отпустите меня домой! – повторял он в истерике и не думал оборачиваться, а уж тем более извиняться перед девушками.

Он хотел было проникнуть в тамбур, но что-то необъяснимое оттолкнуло его так сильно, что тот отлетел метра

на два, снова чуть не сбив девушек. Он упал к ногам Марины и закашлялся от сильной боли, видимо, сильно ударившись спиной.

– Всё в порядке? – присел на колено, чтобы убедиться, что всё нормально.

Костя недолго лежал, потом вытер глаза и, отшвырнув меня в сторону, сказал:

– Да отвали ты, – поднялся и закончил: – Все, все вы отвалите от меня!!! – он убежал к зданию вокзала.

– Что это было? – я взглянул на Илью. – Ты что-нибудь видел?

– Это истерика, – пожал плечами он.

– Кто-нибудь видел что-нибудь подобное?

Но девушки лишь молча пожимали плечами и отрицательно вертели головами.

Теперь на улице послышался гул. Когда мы снова обратили внимание на вагон, то увидели, как лестница приняла форму пандуса, видимо, для более удобного передвижения Ильи. Как только он подъехал к концу пандуса, проём загорелся целым набором переливающихся цветов.

Из любопытства Илья осторожно принялся касаться материи. Его пальцы тонули и возвращались обратно.

– Ну и как? – поинтересовалась Марина.

– Тепло...

– Тепло?

– Да... подождите... тут...

– Там... что?

– Тут появилась круглая форма... не совсем понимаю, для чего она, но... – Илья невольно, придерживая коробку левой рукой, правой достал монету.

– Приложи её... – неожиданно сказал я и прикрыл рот ладонью. Девушки разом обратили на меня внимание.

Илья послушался меня. Приложил монету к круглой форме той стороной, где был изображён локомотив. Он прижал

её подушечкой большого пальца, рука его провалилась в пространство, а монета упала на пол тамбура.

Как только парень въехал в тамбур, пандус принял привычную форму лестницы, а лестница сложилась, и дверь вагона закрылась.

Мы дождались, пока поезд скроется за поворотом, и направились к зданию вокзала, каждый поглощённый своими мыслями.

Часть 3

1

Прощальная записка

«Ты – как спичка: воспламеняешься и быстро потухаешь», – сказал мне однажды старый друг.

Я поинтересовался, что он имеет в виду. Тогда он объяснил, что все свои произведения я не довожу до логического конца, а то и вовсе забрасываю, стоит мне написать единственный абзац. Намекнул, что не позволяю тексту задышать и существовать самостоятельно. Тогда мне, естественно, стало неприятно и захотелось доказать ему обратное, но сейчас, спустя годы, я с ним согласился. Так и есть, начинаю и бросаю. Для меня главное – это начало.

В ночь с субботы на воскресенье с большим трудом, вернее, усилием воли, мне всё-таки удалось написать небольшой рассказ. Главным персонажем стала маленькая девочка Нина, которая гуляла до глубокой ночи и потеряла дорогу домой. Единственным ориентиром для неё были горящие фонари. Она, будто заворожённая ими, шла вперёд, считая электрические огоньки. Так она нашла свой дом в конце улицы, где жёлтые лампочки сменились красной.

Как только поезд скрылся за поворотом, унося одного из моих товарищей вдаль, в голове у меня возникла идея рассказа. Убедившись, что девчонки проконтролируют состояние Ксюши, я отправился в библиотеку, чтобы воплотить задуманное. Разумно остановиться на коротенькой истории, ведь преподаватель не захочет тратить время на рассмотрение повести. В итоге я настолько увлёкся процессом, что вовсе

позабыл о времени и не заметил, как на всё про всё у меня ушло около трёх часов.

Воскресным днём, когда я отправился прогуляться вместе с Мариной и Настей, Карине не захотелось никуда идти, поэтому она решила остаться в спальне и понаблюдать за Ксюшей, пока нас не будет. Мы пообещали, что скоро вернёмся. Но стоило выйти на улицу, как мы увидели, что снег за ночь накрыл крышу здания вокзала и загородил проход в беседку, да так, что невозможно было в неё войти, деревья тоже не остались в стороне, они все, как одно, сверкали заснеженными верхушками.

– Витя, а о чём твоя книга? – Настя неожиданно для меня залепила снежком мне прямо по шапке и потянулась за новым. – Или ты держишь это в тайне?

– Нет тут никакой тайны, – отмахнулся я с улыбкой. – Книга о нас, о том, как мы сюда попали и чем здесь занимаемся.

– И что, много уже написал? – Марина замахнулась увесистым комком, но поскользнувшись, потеряла равновесие и плюхнулась перед подругой на спину.

– Готов лишь план, – мы помогли девушке подняться, – мне хочется прожить с вами на станции как можно дольше. Так я смогу подробнее описать всё, что здесь происходит.

– Ну, надеюсь, всё у тебя обязательно получится. – Марина стряхнула снег с брюк.

– К тому же, я думаю, с нами и так уже многое случилось, что можно описать в твоей истории. – Настя помогла ей отряхнуть пуховик.

– Это уж точно... Девчонки, а вы не видели Костю?

– Кстати, да... – начала Марина, – сегодня его совсем не слышно... это странно.

– Да и вчера он весь день молчал, не захотел даже попрощаться с Ильёй, – продолжила Настя, – кто-нибудь знает, что с ним происходит?

Костя и мне больше не казался прежним. Вчера я попытался заговорить с ним, но он и бровью не повёл.

– Может, нашёл своё вдохновение? – предположила Настя.

– Всё может быть, но если это действительно так, то где он сейчас? – я запустил новый комок в крышу беседки, после чего на поляне раздался громкий стук падающего тяжелого предмета и на железной поверхности остался снежный отпечаток.

Этой ночью я только в четвёртом часу вернулся в спальню и мигом отключился, поэтому, когда проснулся в полдень, в спальне его уже не было.

– Видимо, ночью ушёл или с утра отправился в сторону чащи, иначе как объяснить это? – Я указал на дорожку у Насти за спиной, протоптанную в направлении деревьев. На ней, будто змея, протянулся во всю длину чёрный шарф, оставленный Костей.

– И зачем бы, по-твоему, ему вздумалось туда идти?

– Этого я не знаю... – пожал я плечами. – Может, пойдём и увидим всё собственными глазами? Если шарф лежит здесь, то, скорее всего, он действительно где-то там.

Мы остановились у входа в тёмную пустоту.

– Витя, мне страшно... – прошептала Настя.

– Да, мне тоже жутковато. – Марина застыла на месте, – подождите, а что это там? Обувь, что ли? – она медленно вытянула руку вперёд.

– По-похоже, так и есть, – запнувшись от сбитого дыхания, произнёс я, когда увидел перед нами зашнурованные мужские ботинки.

Потребовалось перевести дыхание, чтобы прийти в себя. Девчонки взяли меня за руки, и мы продолжили идти.

Всю дорогу нас окружали высокие сугробы и деревья. Одно из деревьев принадлежало инженеру пятидесяти двух лет, и если верить эпитафии: «Те, кто посетят станцию после меня, обязательно найдут на ней своё вдохновение!», то он и был тем самым

человеком, который спроектировал и построил станцию. По строке выше стало ясно, что, выполнив задачу, домой он всё-таки вернулся. Другое дерево принадлежало двадцатипятилетнему певцу. Третье – актрисе... Именно в этот момент я задался вопросом: сколько же судеб решила станция, повлияв на их творческий, личностный и духовный рост? Вполне возможно, все те громкие имена, о коих мы до сих пор неустанно слышим по радио и видим в телепередачах, – воспитанники этой станции.

Мы прошли вперёд метров сто пятьдесят. Марина двигалась передо мной, я – посередине, а сзади – Настя, придерживая мою ладонь, совсем как когда-то это делала Ксюша. Я так реально представил идущую за собой маленькую девочку, что подумал обернуться и убедиться наверняка. Когда я всё-таки это сделал, то почувствовал схлынувшую с плеч волну облегчения, в груди сердце забилося сильнее и набрало куда большую скорость. «Нет, всё в порядке, это Настя, не Ксюша. Ксюша в колыбели, с ней сидит Карина», – подумал я и не успел обернуться, как вдруг нечаянно столкнулся с Мариной, которая резко остановилась и, прижавшись к моему плечу, несколько раз произнесла:

– Нет... нет... нет... это не он... точно, не он...

– Что случилось? – поинтересовался я.

За спиной у девушки стояло совсем молодое дерево, а под ним в сидячем положении находилось тело, занесённое по пояс снегом. Лишь пальцы босых, разбросанных в стороны ног выглядывали из-под белого покрывала. Руки обхватывали живот, ладони имели синюшный оттенок и напоминали полукруглую форму, так будто держали теннисный мяч. Это был Костя.

Рядом с телом юноши вниз страницами лежал сборник стихов. Обложку также занесло снегом, а страницы местами отсырели.

– Если тебе неприятно, не смотри! – сказал я, когда заметил отвращение у Насти на лице.

– Да нет, всё в порядке... – она вытерла слёзы кончиками пальцев, затем прошлась рукавом. – Подожди, Вить, а что у него в ладони, а? – она указала свободной рукой в сторону Кости, чей стеклянный взор был направлен в пространство.

Когда я понял, о чём говорит Настя, попросил их не подходить близко к телу парня. Отправился сам, хотя мне и было ужасно не по себе: дыхание спёрло, холодок коснулся спины, ноги стали ватными, и в глазах на секунду потемнело, но тут же я взял себя в руки.

Никогда раньше мне не было так страшно, как тогда.

Опустившись на колено, я медленно потянулся к его ладони, резко подхватил то, что в ней лежало, и вернулся обратно к девчонкам. Как оказалось, Костя держал свёрток бумаги.

– Ну, что там? – Марина заметно успокоилась и теперь спокойно смотрела на окоченевший труп.

– Всё нормально?

Она кивнула и взглянула сначала на свёрток в моей руке, потом вновь на тело.

В свёртке прятались две пустые монеты. Сам лист содержал приличное письмо, написанное простым карандашом, поэтому оно давалось прочтению не так уж легко. По заглавной строке после эпиграфа стало понятно, что это обращение.

«Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И берёзы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

С. А. Есенин.

Привет, ребята!

Как вы уже успели заметить, в последнее время я стал довольно необщительным, а порой и вовсе казался невыносимым человеком. Всему причина – мои отрицательные качества: безразличие, эгоизм, трусость... но кроме этого последней каплей стал, конечно же, случай с Ксюшей, который просто не мог пройти бесследно. Соблазн – вот, что определило мою слабость. Я не устоял и украл монету у Ксюши. И, как показало время, навредил ей, за что искренне прошу у Андрея прощения. Надеюсь, всё

обойдётся, и твоя сестрёнка со временем придёт в себя. Жизнь даёт определённое количество уроков, но когда-то и они заканчиваются, тогда становится понятно, что судьба человека – это последствие его действий.

Виноват я и перед Настей. Помните ту сожжённую нотную тетрадь? Не понимаю, каким образом я мог её сжечь, но почему-то уверен, что был одержим голосом... преследующим меня. Понимаю, меня это не оправдывает, но хочу, чтобы ты, Настя, знала, что я сделал это находясь в беспам'ятстве.

Мне стало известно самое главное: голос, преследующий меня, – это голос погибшего поэта Миши. Только что, примерно в третьем часу ночи, мне удалось увидеть его. Да, да, я не сошел с ума, я его действительно увидел! Я прикоснулся к эпитафии на дереве, как и велел голос, и уж не знаю, что – привидение или реалистичная проекция, но поэт стоял передо мной, я видел его наяву, как вас. Он указал мне на то место, где я сейчас сижу и, дописав письмо, нашёл рядом новую монету... Вот такая ирония судьбы, ведь когда-то я сказал тебе, Витёк, что нашёл её именно здесь, в чаще под листьями. Тогда я нагло соврал, а сейчас держу в руке собственную пустую монету...

Вчера целый день я составлял письмо и даже не попрощался с Ильёй. Наверно, это тоже неправильно с моей стороны, но что поделать, такой уж я человек. Что случилось, то случилось.

Я считаю, что обязан вернуть Ксюше её монету, а Насте отдать свою! Уверен, что тетрадь возможно восстановить.

Пока писал, задался вопросом: а что если... если мы попали сюда с одной стороны – в качестве наказания за пустую трату времени, а с другой – в качестве спасения? Вы только задумайтесь, сколько стихов, песен, книг и картин мы могли бы написать, если бы не отвлекались на окружающих и общение в социальных сетях?.. А здесь, на станции, нет окружающих, нет сетей... Может, действительно труд – единственный способ создать что-то новое и вернуться домой? Может, даже после смерти мы попадём в те сказочные места, которые представляем, когда создаём свои произведения. Если действительно так, то я хотел бы оказаться вновь здесь, вновь в компании вас, ребята, но несколькими десятилетиями раньше, и застать предыдущих жителей станции.

Всё возвращается бумерангом. Это и есть расплата за содеянное. На этом я прощаюсь с вами.

Извините меня за всё!

P.S: Мне всё-таки удалось отредактировать то стихотворение, которое я написал и как-то прочёл вам. Его вы увидите ниже.

Женские и мужские слёзы
Имеют право в жизни быть!
Когда грустно или бывает поздно,
Они не дают нам остыть...

Не горюй, если станет трудно –
С солёной водой беды уйдут.
Путь сначала покажется смутным,
Но в конце дом обретёт уют.

Знаешь, времени у нас немного,
Нам в меру б надышаться и потанцевать.

Может, продлим момент до восхода?
Ведь настоящему суждено прошлым стать

Наутро тепло жёлтых лучей
Вновь согреет наши лица.
Я и ты - копии тысяч детей,
Им тоже ночью не спится.

Константин Бур...

– Что это написано на его эпитафии? – прищурилась Настя, пытаюсь разглядеть строчку и прочесть.

Я снова прошёл вперёд, присел на корточки и прочёл:

– *У каждого своя глубина. Один напоминает озеро, другой глубже океана.*

Дальше всё по стандартной схеме: Имя, Фамилия, Роль в искусстве и Сезон.

Прямо над нами держались в воздухе прозрачные сосуды. Напоминали они жестяные баночки из-под газировки. В каждой находились миниатюрные человечки. Слева от меня, в своём уютном «домике» свободно танцевала алая балерина. Она кружилась так легко, так задорно, что казалось, стенки сосуда не представляли для неё границ. В другом сосуде, надо мной, парнишка двенадцати лет на плоту, изображённом на дне, играл на гитаре. Через плечо у него был накинута ремень, и инструмент действительно было слышно, стоило только замолчать. Даже задерживать дыхание было совсем не обязательно, просто постараться вести себя тише и вполне приятно ложилась на слух сменяющая аккорды мелодия.

Каждый, живущий в собственных миниапартаментах, светится, озаряя некоторое пространство, кто белёсым, кто голубоватым цветом, от чего снег сливается с ним во время сумерек. Мне уже удавалось видеть подобное, прогуливаясь по ночному городу.

«Думаю, Ксюше здесь бы понравилось ...» – пронеслось у меня в голове.

– Что это такое? – Марина заворожённо смотрела на балерину.

– Это сейчас не важно. Важно другое: что делать с телом Кости и как мы объясним всё?

Я уже смотрел на гитариста. Но было неподходящее время, чтобы любоваться новой находкой. Я уже подумал взглянуть на тело и решил, что неплохо было бы похоронить товарища по-человечески, но, когда обнаружил, что на этом месте тела нет, то тут же потерял дар речи.

– Похоже, за нас всё уже сделали, – уточнила очевидное Настя.

– Что? – в недоумении я протёр глаза и в очередной раз убедился, что тела нет. Даже следов. Ничего, кроме испорченного сборника.

– Но что теперь делать нам? – напуганная Марина задышала глубже, казалось, вот-вот и она упадёт в обморок.

– Для начала мы вернёмся обратно. – Сказал я. – Вполне возможно, найдём какие-нибудь зацепки, и картина хоть как-то прояснится.

Я перевёл дыхание, пытаюсь голосом не выдать собственное волнение, не хотелось наводить ещё большую панику.

– И нужно проверить Ксюшу с Кариной. Всё ли с ними в порядке?

Вдруг часы у нас за спиной единожды пробили. Мы ушли достаточно далеко от здания вокзала, поэтому, обернувшись, его уже не видели. Простояв на месте секунд пять, мы бросились назад.

2

Лекарство от посредственности

Мы поднялись наверх и услышали в коридоре, как заработал один из сет-боксов в мужской спальне. Механический женский голос произнёс:

– Внимание, жители станции «Вдохновение»! Участник номер восемь выбыл. Жаль, что этот юноша больше не с нами.

В женской спальне Карина рассказала, что в наше отсутствие никаких изменений с Ксюшей не произошло. В свою очередь мы поведали ей о найденном нами замерзшем теле Кости, когда она поинтересовалась выбывшим. Рассказали об игре в снежки, с которой всё началось, затем о тропе, замеченной нами и ведущей к деревьям, обо всём остальном, включая удивительные сосуды. Наши новости превратили девушку в бледную, словно музейный экспонат, фигуру. Наивно было ожидать чего-то другого.

– Как труп? Вы что, меня разыгрываете?

– Подойди ко мне, Карина. – Настя стояла у окна.

– Зачем? – возразила она.

– Просто подойди! – настояла Настя. – Не веришь Вите, думаю, этим я докажу его слова.

С того момента, как мы вернулись, Марина не сказала ни слова. Она залезла в собственную колыбель, обняла поджатые в коленях ноги и наблюдала за нами сверху.

Карина всё-таки подошла к окну. Настя коротким кивком указала в сторону поляны, где в сумерках ночи между деревьями, а также в их разросшихся ветвях отчётливо проглядывались сосуды, отбрасывающие разноцветный свет на снежную поляну и крышу беседки.

– Сначала мы наткнулись на тело Кости... – начал я, – а когда нашли письмо у него в руке, сборник стихов где-то в снегу, то заметили странные сосуды в воздухе. И ты не поверишь, они напоминают жестяные баночки из-под газировки, но гораздо крупнее по размеру.

– Да, – продолжила Настя, – но тебе стоит взглянуть на них самостоятельно.

– Что? Но я всё равно...

– Кроме того, как ты объяснишь удар часов? – перебил я. – Раньше подобного не происходило, не правда ли?

– Хм. И правда, только, когда за Ильёй прибыл поезд... – шёпотом проговорила Карина. – И что же он, по-вашему, значит?

– Да смерть Кости он обозначает... – громко напомнила о себе Марина, крепче прижимаясь к коленям. – Часы пробили, его тело забрали...

– Кто ещё забрал? – Карина окинула нас озадаченным взглядом.

– Эта станция!.. Да разве не понятно? – Марина вытерла слёзы и, не раздеваясь, легла, отвернувшись от всех.

После эмоционального всплеска Марины остальным нечего было добавить. Наступила продолжительная пауза, во время которой Настя продолжала смотреть в окно, я смотрел на девушек, а Карина застыла с опущенной головой, над чем-то серьёзно задумавшись.

– И что теперь нам делать? – От страха она переменилась в лице. – А что в этом письме?

– Извинение Кости. Попросил вернуть украденную монету Ксюше, а свою отдать Насте.

– Так вот почему он так вчера себя вёл... – произнесла она.

– Да, – подтвердила Настя, не отрываясь от поляны за окном, – и единственный выход для нас – смириться с тем, что произошло, и жить дальше.

«Детство – замечательная пора жизни! Ведь человек остаётся ребёнком, пока узнаёт мир по крупичкам, каждый раз открывая для себя что-то новое. Детство заканчивается там, где заканчивается любопытство». – С такой мыслью я стоял у закрытой двери, сжимая сборник Есенина, и смотрел на Ксюшу в спущенной колыбели.

Девушки готовились спать. Мне стало неудобно стеснять их, поэтому я решил уйти. Но стоило открыть дверь, как вдруг по спальне прокатился тихий, ровный шум включившегося сет-бокса.

– Состояние участника номер один стабильное. Диагноз: бронхиальная астма блокирована. Поздравляем Вас, номер один, у вас – ремиссия! – произнёс женский голос.

«Ремиссия?» – пронеслось у меня в голове. А через секунду эту мысль будто прочла и произнесла Марина. Она спустила колыбель и присоединилась к нам.

Теперь мы стояли у колыбели, не отрываясь от девочки.

Раздался едва уловимый звук вдоха. Затем Ксюша открыла глаза, но тут же зажмурилась от яркого света, вжавшись глубже в мягкую белую подушку. Приступ кашля заставил её вновь взглянуть на нас, принять сидячее положение. Ксюша вытерла губы.

Мы с Кариной обошли «колыбель» и постарались уложить девочку на подушку, осторожно придерживая за голову, спину и плечи.

– Ксюша, с тобой всё хорошо? – поинтересовалась Настя.

Девочка ответила кивком. Она старалась уцепиться за руку Карины, но поймала только мизинец и быстро проговорила:

– Я видела!.. Я его видела!..

– Кого? Кого ты видела? Расскажи!

Она отпустила палец Карины и обратила внимание сначала на девушек, а уже после – на меня.

– Мальчика, он рассказал мне... рассказал о светящихся баночках, где-то далеко за деревьями. В них были мальчики и девочки, тёти и дяди. Он назвал их лекарством от посредственности... что это значит – посредственность?

– Если говорить проще, то он – обычный человек. А непосредственный человек, если так можно выразиться, – талантлив.

– А что было до приступа ты не помнишь?

– Очень плохо, – она пожала плечами. – Я увидела надпись, как на всех остальных деревьях, своё любимое время года. В надписи было моё имя и слово «погибла». Я знаю, что значит это слово, но я жива...

– Конечно, жива! Всё хорошо! – воскликнула Настя.

Девочка оглядела нас и спросила, где остальные? Я рассказал, что её брат уехал отвозить Илью домой, сказал, что он скоро вернётся, а Костя где-то бродит.

Ксюша заметно расстроилась, даже всплакнула из-за отсутствия ребят.

– Я по ним соскучилась, – тихо произнесла девочка и тут же уснула, отвернув голову в сторону.

Мы решили, что Ксюша устала. Долго улыбались, думая о выздоровлении девочки и мечтая увидеть реакцию Андрея, когда он узнает, что его сестра жива и теперь полностью здорова, если верить сет-боксу. «Жизнь ценою другой жизни, – думал я, – это тоже прекрасно. Да, Костя ошибся, решив обойти свою судьбу и украв чужую, но он всё исправил, пусть даже придя к смерти».

Прежде чем выйти из комнаты, я подошёл к окну, не обращая внимание на то, что девчонки валились с ног и просили меня выйти из спальни. Взглянул на поляну, освещаемую цветными лучами, и подумал о лекарстве от посредственности. Взглянул на Ксюшу, подумал о пережитом, прокрутил в голове мысль: это ведь её первое в жизни приключение. И, возможно, самое запоминающееся.

Простояв так меньше минуты, я всё-таки вышел.

Возвращение

По сравнению с понедельником вторник обошёлся без снегопада.

Когда в воздухе растворился двенадцатый удар привокзальных часов, мы поняли, что скоро кто-то прибудет, и теперь стояли, наблюдая с платформы за приближающейся машиной. На станцию возвращался улыбчивый Андрей и махал нам рукой, выглядывая из окна кабины со словами:

– А вот и я, ребя-я-ята! Встречайте-е-е!

– Почему так долго-о-о? – прокричала в ответ Марина.

– Что-о? – он поднёс указательный палец к левому уху и, пожав плечами, прокричал: – Я ничего не слышу-у-у!

Мы дождались, пока поезд остановится, а парнишка сойдёт на перрон.

– Здорово, – я пожал ему руку.

– С возвращением! – в один голос сказали Настя с Кариной.

– Привет. Ты чего так долго? – вновь спросила Марина.

– Ничего серьёзного, просто на обратном пути сломался сет-бокс и поезд остановился. Пришлось задержаться, чтобы заняться ремонтом. Это хорошо, что в сет-боксе оказалось встроенное руководство по эксплуатации, а в вагоне-ресторане – полным-полно еды. Иначе вы сейчас бы меня не увидели.

– А что за поломка?

Он взглянул на Карину:

– Да кнопка за пала, вот он и отключился.

– Ты что, умеешь ремонтировать такие устройства? – удивилась Настя. – Молодец.

– Не скажу, что именно такие, но я учился, пока наблюдал за папой, когда он ремонтировал всякие разные вещи в доме.

По ходу разговора мы направились в сторону вокзала. Андрей поинтересовался, как у нас дела. Марина скинула капюшон пуховика и ответила:

– Есть две новости: хорошая и не совсем... – она сделала паузу, поглядела на Андрея, и продолжила: – так... и с какой лучше начать?

Перед тем, как Андрей ответил, я предложил для начала подняться внутрь и согреться, чтобы продолжить разговор.

Узнав о ремиссии сестры, он тут же побежал в спальню. Когда мы догнали его, то увидели, что парень взял в руку ладонь Ксюши и потянулся к ней, чтобы поцеловать. Видно было, как он тогда переживал за неё и проявлял заботу до своего отъезда простыми словами: «Тебе пора ложиться спать» или «Ты не забыла использовать ингалятор?». Всё это говорило о его чувствах настоящего старшего брата, чьё сердце болит за любимую сестру каждый раз, когда он видит девочку не такой, как обычно.

Ксюша продолжала спать. Она лишь машинально потёрла свободной рукой влажное место поцелуя на левой щёчке.

– Ну с хорошей всё понятно, а что за плохая новость?

– Ты должен это прочесть, – я подошёл и отдал ему листок бумаги.

– Что это?

– Письмо Кости. Он погиб.

– Мы вчера нашли его в роще ближе к вечеру, когда пошли прогуляться.

– То есть как? – парень уронил листок, застыв с открытым ртом.

– Всё написано в письме, – Карина подняла письмо и вернула Андрею.

Мы начали рассказывать ему всё в подробностях, но Андрей уже нас не слышал. Он был поглощён письмом.

– Голос мёртвого поэта? – нахмурился он. – Но ведь это невозможно.

– Когда-то и мы не поверили.

Парнишке нечего было сказать, и его можно было понять. Он приезжает обратно на станцию и узнаёт, что одного из ребят теперь нет в живых, ему дают письмо этого человека с его раскаянием за кражу у сестры очень необходимой вещи, которая могла помочь ей в критической ситуации. Мало кому удалось бы подобрать слова в подобный момент, но он держался достойно.

– С тобой всё в порядке?

– Да... всё хорошо... – парень выговорил через силу, пытаясь проглотить ком в горле.

Через полчаса мы прекратили все обсуждения письма и странного поведения Кости в последнее время. Андрей вытащил из внутреннего кармана пуховика старенькую видеокамеру и показал нам. Парнишка рассказал, что нашёл её на одном из столов вагона-ресторана, когда зашёл перекусить.

– Жаль, этой камеры не оказалось во время нашего приезда на станцию, – прошептала Карина мне на ухо. – Столько интересного можно было отснять, – огорчённо вздохнула она.

Я кивнул в ответ.

– Вы можете показать место, где нашли тело?

– Да, конечно, – кивнула Марина, – а тебе зачем?

– Хочу снять каждый уголок станции и сделать фильм, когда мы вернёмся домой! – воскликнул он. – Вы только задумайтесь, какое открытие мы можем совершить, если покажем людям реальные доказательства существования этой станции... Эти сет-боксы, которыми мы пользуемся: слушаем музыку; меняем времена года; можем вылечить астму, а может, даже и рак; «колыбели», где спим... это же всё очень ценная информация!..

– Подожди-подожди, первооткрыватель, – остановила его Настя, – ты что, думаешь, никто из вернувшихся жителей не захватил с собой подобных доказательств?

– Если б было действительно так, то, наверное, телевидение и остальные заинтересовались бы этим местом уже давно.

– Девчонки, он прав. Никакая информация такого масштаба не осталась бы незамеченной.

– Да вы для начала проверьте, работает ли она.

На видеокамере оказалось достаточно свободной памяти, чтобы без проблем снять видео на целый час. Это позволяла и полностью заряженная батарея. Убедившись, что устройство работает исправно, мы отправились на улицу.

Снег под ногами хрустел то тише, то громче с каждым новым шагом. Мы шли по тропе друг за другом: Андрей со мной спереди, а девчонки – за нами. Они болтали о чём-то своём, всё время озираясь по сторонам. Андрей тем временем уже настроил камеру и заранее навёл фокус как можно ближе, чтобы удавалось читать эпитафии каждого дерева.

– Девочки, смотрите, да это же пианистка, – Карина указала на один из сосудов, которые ей довелось увидеть впервые.

Андрей перевёл камеру на голубоватый сосуд, пытаясь заснять крупным планом спящую девушку двадцати лет с синей перчаткой на левой руке, чьё лицо лежало на клавиатуре. Она, как и остальные жители лесной чащи, сейчас довольствовалась сном.

– Её зовут Майя Халалиева, – прочёл Андрей, когда вновь направил камеру, но на этот раз на её дерево.

– И она вернулась домой, – продолжила Марина.

– Вот же повезло, – Настя натянула пуховик до подбородка.

– Ничего, у нас тоже есть шанс! – заявил я, – пойдёмте, тут же метров пять от силы осталось.

Стоя напротив дерева, ничем не отличающегося от остальных, девчонки показали Андрею конкретное место, где мы застали тело. Эпитафию на его кроне закрывал тонкий белый слой. Парень опустил видеокамеру, подошёл ближе, стёр снеговой слой и вернулся к нам, чтобы вышла приличная картинка.

– У каждого своя глубина. Один напоминает озеро, другой же глубже океана! – прочёл Андрей. – Интересно, что он имел в виду?

– Думаю, смысл во внутреннем мире человека и его сущности, – высказалась Карина.

Я присел на колено, вытащил из заднего кармана брюк свёрнутую в трубку тетрадь и обратился к Ксюше:

– Пока ты спала, я тут рассказ написал. Не знаю, конечно, но может, тебе станет интересно, – я снизил голос до шёпота. – Эта история о тебе.

– Подожди, но ты ведь хотел книгу написать, да? – отвлёкся брат.

– Верно, – кивнул я, – но её позже... всему своё время.

– Спасибо! – улыбнулась она, потянувшись ко мне.

Девочка отошла на два шага назад, убрала тетрадку за спину, вновь взглянула вверх и воскликнула:

– Да ведь они все тут спят!

– Вижу, вижу, сестрёнка, – отозвался Андрей, растерянно махая камерой из стороны в сторону.

– Вы слышите? – прошептала Марина. – Похоже, кто-то всё же не спит, – дрожащей рукой она указала на два сосуда, светящихся ярче остальных оранжевым и жёлтым цветами.

Теперь мы все услышали прокатившийся сзади звонкий голосок, ласкающий слух: *«Подойдите...»*

Девушки, будто загипнотизированные, подались немного назад. Стоило им подойти максимально близко, как они увидели живущих в сосудах двух виолончелистов, которые принялись что-то играть. Они будто передавали девчонкам какое-то зашифрованное в музыкальном формате сообщение.

Девочку это, естественно, напугало.

– Андрю-ю-юш, а что происходит? – Ксюша потянула за собачку кармана его пуховика.

– Сам не знаю, – он перебросил камеру в левую руку, а правой взял её ладонь.

– У вас всё хорошо? – громко спросил я.

Они ответили только, когда мы подошли:

– Что? Да, всё хорошо...

– А что случилось?

– Как? Вы не помните, что с вами произошло минуту назад?

– Я услышала шёпот... вот и пошла.

– Да... я услышала то же самое...

– Мы слышали... но, что было дальше?

– Ничего... просто они, как и сейчас играли...

– Витя... – одёрнула меня Карина, – это у тебя выпало...
взгляни-ка.

Я взял монету у девушки, внимательно взглянув на неё. Теперь, обнаружив на гладкой когда-то поверхности изображение двери, вспомнил о запертом кафе на первом этаже здания.

Мне пришлось извиниться и оставить ребят. Сбегая вниз, я уже ничего не слышал, только своё имя и вопрос «Куда ты?».

Находясь у стеклянной двери кафе «Купидон», я смотрел перед собой, но, как и раньше, ничего не видел нового в темноте, кроме всё тех же одиноких столов и стульев, громоздящихся на них.

Вновь обратил внимание на светящийся по краю круглый счётчик. Он в очередной раз меня не впустил. Каждая новая и повторённая попытка была неудачной.

У меня остался последний вариант: железная монета в свободной руке. Подушечкой большого пальца, прижав как можно сильнее изображение, мне всё-таки удалось добиться своего: стеклянная дверь бесшумно открылась, и я вошёл внутрь. Во мраке сбоку от стойки заказов вспыхнула жёлтым светом настенная прямоугольная панель. В середине появился чёрный

квадрат, а уже в нём замигал голубоватый рисунок человеческой ладони.

– Пожалуйста, коснитесь поверхности, – попросил механический голос. На этот раз он был мужским.

– Ого... Ну ладно, взглянем, – я последовал инструкции. – И... что дальше?

– Ваш заказ будет готов через пять секунд.

– Я ничего не заказывал...

Из прорези панели неожиданно выскочил чек:

Кафе «Купидон»
Заказ на четверг, сезон Зима
Название: СЕКРЕТ
Спутница: Карина
Стоимость: 1 пустая монета
ОПЛАЧЕНО

Меня отвлёк второй звонок и выскочил другой чек с той же информацией, только с некоторой корректировкой:

Спутник: Виктор
Разделы: «Стоимость» и «ОПЛАЧЕНО» отсутствовали.

4

Свидание

В четверг утром, стоя у сет-бокса, мы с Настей в полголоса обсуждали минувший вторник. Девушка рассказала, как в окружении горящих сосудов в лесу она вместе с Мариной помимо музыкальных инструментов услышала реплику: «*Скоро вы всё узнаете!*». Я же обмолвился о кафе «Купидон», показал ей два полученных чека и попросил передать один Карине.

– А почему сам не передашь?

– Не знаю... я почему-то стесняюсь. Поможешь?

– Странный ты, – ухмыльнулась она. – Ладно. Без проблем!

А между тем на лице девушки читался страх за будущее. Дело дошло до первой смерти в нашей компании... нет, скажу даже больше. Ситуация осложнилась в тот день, когда Ксюше стало плохо. Но время показало: каждое несчастье непременно сменяет бескорыстное благородство.

– Времени всё меньше... – Настя прошла мимо меня, села на колени напротив сет-бокса и использовала пустую монету.

– Здравствуйте, номер два и номер одиннадцать!

– Привет, привет, подруга, – Настя убрала за ухо завивающуюся рыжую ленточку волос. – Пожалуйста, помоги! Не представляешь, как ты мне сейчас необходима.

Несколько секунд лампочки замигали в особом порядке, напоминая язык Морзе. На пару секунд они погасли, а вместе со вспышкой на дисплее появилась надпись, которую прочёл голос:

– Ваша нотная тетрадь в колыбели. Желаем успехов в творчестве.

– Спасибо... спасибо... – произнесла девушка.

Прозвучал звонок.

– О, что-то ещё... – невольно вырвалось у меня.

– Для Вас сообщение, номер два, – сказал голос.

– Сообщение? – Настя взглянула на дисплей, где высветился жёлтый конверт. – Что за сообщение? – она нажала подушечкой пальца на конверт, тот распался на пиксели, разлетевшиеся в стороны.

Высветился текст:

«Номер Два, спешим поставить Вас в известность: в связи с внезапным обрывом – неделя сезона Осень автоматически переносится в сезон Весна».

Сет-бокс попрощался с девушкой и отключился.

В четыре часа я уже стоял в «Купидоне». Моё состояние напоминало то же самое, что и в то утро, когда я впервые

оказался в мужской спальне, – полное недоумение. Кафе преобразилось до неузнаваемости: приглушённый (на этот раз красный) свет квадратных панелей на стенах освещал столик в центре и его ближайшее пространство; в углах зала под потолком висели металлические шары, выполняя функцию прожекторов.

За столом сидела Карина, которую я не сразу узнал: накрашенные лиловой помадой губы, роскошные распущенные локоны и тёплый джемпер. Температура внутри кафе значительно понижалась, когда сезоны сменяли друг друга.

– Привет, давно ты нашёл это кафе?

– Неделю или две назад, точно не помню, – неуверенно признался я, присоединившись к девушке.

– Это что, свидание?

– Честно говоря, сам не знаю, – неуклюже ответил я. – Получил чек и вот, пришёл.

– Понятно, – она пододвинула чек в мою сторону и потянулась к трубочке стакана с апельсиновым соком.

– В последнее время мы не так уж часто общаемся один на один...

– Ты, наверное, имел в виду, совсем не общаемся?

Я легко улыбнулся, отчего, по всей вероятности, приобрел глупый вид.

– Да, точно...

– Скажи, а почему ты решил позвать меня именно так, через посредника? – она улыбнулась. – Разве не мог обратиться напрямую?

– Не знаю, сработало как-то машинально...

– Ты даже покраснел...

И вправду, я почувствовал себя неловко. Лицо запылало так, будто меня отхлестали крапивой, а в груди сердце перевернулось вверх дном. Отвести взгляд или, наконец, вовсе отвернуться не вышло, моё внимание осталось прикованным к собеседнице.

– Да расслабься ты, я же не кусаюсь. – Карина отодвинула стакан в сторону и сложила руки на столе. – Это вообще моё первое свидание, – призналась она.

Оглянувшись по сторонам, Карина произнесла:

– А тут уютненько! Вроде обычное кафе, но эти светящиеся шары, панели на стенах производят какую-то особенную атмосферу

Обстановка, пусть немного и разрядилась, но волнение меня не покидало. Выдохнув, я решился спросить:

– Как тебе станция? Что вообще думаешь обо всём, что с нами произошло за эти две с половиной недели?

– Сложно сказать. Когда я села вместе с тобой в поезд той ночью, то почувствовала свободу, почувствовала себя победителем над родительским контролем. Да и вообще в жизни многое переменилось с того момента, как я впервые увидела сет-бокс и его возможности, – увлечённо размышляла она. – Взять хотя бы Ксюшино исцеление – это же непередаваемо.

– Согласен, теперь у неё всё будет хорошо.

– Кстати, по пути в кафе я встретила её и Андрея. Она просила передать тебе спасибо. Сказала, что девочка, считающая огоньки, получилась отлично.

– Правда? Прямо так и сказала?

Девушка незамедлительно кивнула. Мне стало так приятно и в то же время неудобно, что я вдруг на мгновение размечтался.

– С другой стороны, последний случай с Костей показывает, как иногда жестока жизнь и как порой она может расправиться с теми, кто слаб характером настолько, что не в состоянии перебороть себя и легко поддаётся искушению. Иногда, чтобы осознать собственные ошибки, нужны люди, которые встряхнут тебя как следует.

– Я бы сказала по-другому. Иногда, чтобы не совершать собственные ошибки, нужны чужие примеры, которые встряхнут

тебя как следует. Да, может, он и был не самым вежливым и добрым, зато он раскаялся. Всё равно он не заслужил смерти, тем более такой и в столь раннем возрасте. Для меня это как-то непривычно, никогда прежде не приходилось видеть смерть рядом.

– Наверняка все мы увидели смерть впервые. Может, это не к месту, но Костя всё-таки доработал своё стихотворение.

– Да уж, судьба она такая: что-то даёт в качестве прощения и берёт что-то взамен. Но, согласись, могла бы просто забрать у него талант.

Разговор принял непривычный для меня оборот. Такие глубокие темы я ещё никогда и ни с кем не обсуждал.

– Мне кажется, скоро всё закончится, – поделилась Карина.

– Хм. Я почему-то чувствую то же самое. Наверное, всё из-за того, что остался последний сезон, который мы до сих пор не заказывали.

– Вполне возможно. Но я тут из-за другого переживаю ...

– Переживаешь? За что?

– Прошло семнадцать дней, но я так и не поняла, зачем нахожусь на станции, – вздохнула она, – все тут к месту: Марина с Настей – виолончелистки, Андрей – машинист, ты – писатель, Костя – поэт... – она опустила взгляд, произнесла шёпотом, – пускай и бывший...

– А как же Ксюша? Она ведь только сестра Андрея...

– Не правда, она также выполняет свою роль! – перебила Карина. – Ты что, забыл? Благодаря Ксюше Илья самому себе доказал, что не бесполезен.

Карина напомнила мне об Илье, и я тут же понял, как мне его не хватает. Его стало не хватать, как только он покинул станцию. Как-то сразу захотелось поделиться с ней воспоминаниями о наших разговорах, в которых друг делился со мной своими мечтами о загородном домике. А какие поэтичные выражения он выбирал в адрес Марины! Она, конечно же,

догадывалась, но никогда не хвасталась перед нами, сохраняя в секрете, следуя принципу, который мне удалось сформулировать: «Не показывай соседям самый красивый цветок в своём саду, чтобы не пришлось обнаружить на его месте лишь срезанный стебель». Несмотря на некую секретность и тайну, всем ребятам, включая Ксюшу, было известно об их связи. Не так хорошо, как нам с Кариной, но всё же.

Я отодвинул стакан и положил свою ладонь на её руку.

– Думаю, всё прояснится. Вот увидишь! Ничего не происходит просто так. Уверен, ты также найдёшь своё место.

– Спасибо, что поддерживаешь, – на этот раз покраснела она.

5

Видеоархив

Всю пятницу и первую половину субботы Андрей снимал будущий фильм о станции. В небольшой комнате сбоку от актового зала, о которой я до недавнего времени совсем забыл, парень занимался монтажом отснятого материала и выбирался оттуда только для того, чтобы повидать сестрёнку, поздороваться с нами, подкрепиться и как следует выспаться после тяжёлого дня.

В воскресенье мы привели в порядок найденный когда-то за кулисами проектор. Он вместе с подходящим к нему кабелем лежал на дне коробки с реквизитом. Очистив устройство от скопившейся пыли, мы подсоединили его к сет-боксу, перенесённому из мужской спальни.

– А ты знал, что любое изображение состоит из трёх основных цветов? – Андрей взглянул на проекционный экран, который мы спустили, когда пришли.

– Толком и не задумывался, – признался я. – Если не секрет, из каких?

– Красного, синего и зелёного.

– Хм. Это интересно, – задумался я, спустившись со стремянки, – ты отлично разбираешься в технике! Я это давно заметил!

– Да ладно, подумаешь, всего лишь теория.

– Ну, не скажи. Не каждый в твои годы занимается чем-то таким, что серьёзнее компьютерных игр или прогулки с мячом в дружеской компании.

– Это потому что я чересчур любопытный! Мне не сидится на месте до тех пор, пока я не разберусь, из чего состоит определённая штукавина.

– Поэтому ты взялся за фильм?

– Да. Считаю, он обязательно станет интересен другим. И к тому же... – он почесал затылок, – мне же нужно чем-то заниматься, пока остальные решают собственные творческие проблемы. А станция – отличное место для киноматериала! И мне лишний опыт, как оператору, вовсе не помешает.

– А как же Ксюша? За ней нужно приглядывать...

– Согласен, но иногда мне кажется, что сестрёнка намного взрослее и самостоятельнее меня. В последнее время за неё я переживаю меньше, чем за себя. Мне спокойно, когда Ксюша с вами! Такое ощущение, будто она под какой-то особо надёжной защитой.

В дверном проёме появилась Карина. Если бы не скрипнувшая дверь, то мы вряд ли бы её заметили.

– Чем занимаетесь?

– Приготовили всё необходимое для сеанса в семь часов, – я взял её ладонь и повел к первым рядам. – Садись, скоро всё начнётся.

– Хорошо, – девушка проводила нас радостным взглядом, когда мы принялись относить стремянку в кладовку.

К семи вечера все собрались в зале в шахматном порядке: кто-то на первом, кто-то на втором и третьем ряду.

Андрей вышел к небольшой публике, как только проектор вывел изображение на экран.

– Итак, ребята, последние полтора дня я снимал станцию, и теперь для вас приготовлен фильм, но он не окончен. Мне придётся снять следующий сезон «Весну», но я обязательно это исправлю! – парень заметно побледнел, возможно, от волнения.

– Вы готовы? – я взял издававший виды пульт управления: впалые внутрь кнопки, а местами и вовсе отсутствовавшие.

– Да, включа-а-ай, – крикнула самая маленькая из нас.

Фильм начался с длинных, сменяющих друг друга коридоров здания. Сменялись, соблюдая очередь, кадры: железная дорога, деревья, поляна...

Представление заняло порядка получаса, а закончилось, казалось бы, обычными, но в то же время завораживающими собственной простотой видами лесных просторов. Во время съёмки Андрей совершенно случайно наткнулся на чёрное фортепиано, поверхность которого заливали блики горящих сосудов; тут же находился и стул виолончелиста с высокой деревянной спинкой, обтянутой мягкой бордовой тканью. Такие предназначены для поддержания осанки музыканта, что, конечно же, необходимо для его удачных выступлений.

Камера медленно приближалась под аккомпанирующую ей музыку юноши-гитариста, не попавшего, как и остальные миниатюрные жители, в объектив общей картинки. Всё происходящее на плёнке отчасти напоминало отрывок из какого-то до боли известного фильма именитого режиссёра старых ужасов...

Совсем скоро инструмент и стул оказались на первом плане камеры, и в объективе проплыло название фортепиано – «PRIMA». Медленный наезд камерой...и парню удалось применить приём затяжного напряжения, как это было у Хичкока в его коллекции чёрно-белых саспенс-фильмов.

В фильме успел принять участие и Илья. Он обратился ко всем оставшимся на станции через мёртвые кадры:

– Вот я и дома. В родном городе я впервые в жизни отсутствовал около недели, тем более без присмотра родителей. На станции я познакомился с вами, ребята, – новыми людьми, в лице которых сумел разглядеть весёлые, жизнерадостные личности. Мне приятно называть вас друзьями. Такие встречи в моей жизни можно сосчитать по пальцам, поэтому для меня они ценны! Вдобавок ко всему я отыскал родную для себя душу – девушку, в которую до беспамятства влюбился. Мне буквально крышу снесло от её голоса и присутствия рядом. В жизни каждого из вас обязательно должно произойти чудо! Хотя бы однажды! Иначе, какая же это жизнь без захватывающих дыхание моментов, разжигающих улыбки на наших лицах?

Внутри меня пробежал холодок и появился в горле тяжёлый ком. Настолько пробрали его слова.

– Последнее, что я хотел бы сказать. Ксюшенька, ты уже совсем взрослая! Но поверь мне, у тебя впереди длинная и полная путешествий жизнь! Жизнь, как и творчество, – трогательный коктейль из смеха и слёз. Уверен, твой коктейль до краев бокала будет состоять только из смеха!

Тишина продолжилась недолго. Когда погас экран, Настя высказалась:

– Очень информативно.

– Спасибо за внимание! – юноша выпустил сестру из объятий.

Голос сет-бокса произнёс:

– Операция завершена! Благодарю за просмотр!

Словно по традиции замигали лампочки. На экране высветилось: *Добро пожаловать, Март!*

Часть 4

1

Фортепиано и стул

С наступлением весны – последнего сезона на станции пробившаяся сквозь снег зелень сменила белые, как мел, природные декорации за окном. Даже воздух, проскользнувший через его щёлочку в спальне, благоухал цветением. Атмосфера кардинально изменилась в моём сознании, впрочем, как, наверное, и в сознании Андрея, который успел спуститься, пока я лежал в колыбели. Насколько помню, парень заказывал у сет-бокса музыку.

В дверь постучали.

– Доброе утро, мальчики! – зашли Марина с Настей.

– И вам привет, – Андрей вяло помахал и не сразу взглянул в сторону девушек. Когда парень нажал на кнопку, заиграла одна из тех песен, которая была на слуху почти у каждого подростка времён юности наших родителей – «Белые розы» группы «Ласковый май».

– Андрей, ты вчера показывал нам свой фильм... Мы увидели в нём фортепиано и большой стул для виолончелистов.

– Ты не мог бы...

– Проводить вас? – закончил он вопрос Марины.

– Точно! – обрадовалась Настя.

Я потянулся, что было сил, и вдруг почувствовал, как каждый позвонок в спине громко прохрустел.

– Хм. Похоже, музыку я сегодня вряд ли послушаю... – Андрей с заинтересованным лицом пошарил в карманах спортивных штанов и, тяжело выдохнув, произнёс: – ну во-о-от, больше мелочи у меня нет! – он возмущённо развёл руками.

– Ничего страшного, – успокоил я, – у меня найдётся, я поделюсь пятаками!

– Слушайте, а пойдём все вместе? – предложила Настя, запрокинув голову и взглянув мне в глаза.

– Сам собирался предложить, но где Карина?

– И Ксюша...

– Девочки в спальне, переодеваются.

Из-за двери выглянули и Карина, и Ксюша.

Через пятнадцать минут мы уже следовали друг за другом в лесок по узкой дорожке, временами то и дело завязая в тающей, местами похрустывающей снежно-грязной смеси. По левую и правую стороны от образованной нашими следами змейки поляну цветным пластом накрывали подснежники, тянувшиеся белыми головками к чистому весеннему небу. Когда прошли мимо первого ряда деревьев, то вновь, все, как один, заворожённо уставились на пылающие сосуды с их миниатюрными жителями.

Дорога к фортепиано заняла не больше пяти минут. Мы прошли то место, где зимой наткнулись на труп Кости, и мне внезапно стало печально и тяжело. Я сразу почувствовал некое отторжение от этого места. Но как только этот незначительный барьер был преодолён, тогда-то я почувствовал, как постепенно спадает с моих плеч груз, невидимый глазом.

Теперь наше внимание приковало к себе фортепиано с впечатляющими размерами. Как и на видеозаписи, блики светящихся сосудов отражались на чёрном покрытии инструмента.

Ксюша отдала мне подснежник и со свойственной детям любознательностью принялась крохотными пальчиками изучать деревянную спинку стула, обтянутую красной шёлковой тканью. Девочка подошла ближе, продолжив тактильно узнавать фортепиано.

Настя постучала по крышке фортепиано и каким-то чудным образом определила, что оно изготовлено именно из дуба, а не из какой-то иной древесины. Мне этот факт показался интересным и познавательным. Девушка села на второй стул; придвинулась ближе, открыв крышку; подняла руки над клавишами, после чего сквозь её пальцы просочилась музыка. Как только я услышал едва знакомые нотки, вспомнил себя девятилетнего, отдохавшего у мамы на работе в профилактории. Тогда мне удавалось находить время между разнообразными лечебными процедурами и стоять у старого, местами запылившегося бежевого пианино в коридоре правого крыла, освещаемого лишь по ночам, в часы, когда гости давно уже спали, а сменный персонал продолжал выполнять работу.

Иногда, чтобы попасть из одного крыла в другое, мои ровесники проходили мимо и интересовались, умею ли я играть, но как только я принимался за игру, если можно так назвать то, что у меня выходило, вопросы тут же снимались, сменяя интерес на их лицах гримасами разочарования.

Подруга закончила испытывать инструмент, и Марина заняла всё тот же деревянный стул виолончелиста. Она откинулась на мягкую спинку так уверенно, как обычно дочь бросается в объятия родной матери после затянувшейся разлуки, и, закрыв глаза, выдохнула изо всех сил. Потом Марина открыла глаза и с широкой улыбкой воскликнула:

– Удобно!

– Завтра нужно обязательно поработать, как следует! – сидя вполоборота, сказала Настя.

– Договорились, – Марина освободила стул. – Значит, сегодня заранее приготовим тетрадь, я настрою виолончель, и с завтрашнего дня начнём творить!

– А я, в таком случае, подумаю, что можно сделать с камерой, чтобы было достаточное место для съёмки.

– Нет, пожалуйста, не бери завтра камеру, – ответила Марина.

– Но... но, почему?

– Думаю, сейчас не время. Мы будем чувствовать себя неудобно, зная, что нас снимают.

– Давай в следующий раз, хорошо?

– Слушайте, девочки, мне не сложно, но сами подумайте: до конца Весны осталось шесть дней, нам необходимо снять этот сезон, иначе у меня не выйдет смонтировать фильм до конца.

– Обещаю, всё получится! Только подожди!

– Дело в том, что неизвестно, какие сюрпризы преподнесёт нам этот сезон!

Ксюша забрала у меня свой голубой подснежник, и мы отправились обратно в здание вокзала.

2

Соната

В свободное время Настя рассказывала мне о многих составляющих в сочинительстве сонаты. Самой интересной для меня оказалась информация о соединении нескольких музыкальных элементов, вроде мотива – мельчайшей единицы – в единую сонатную форму, оказывается, её невозможно разбить на субмотив, так называемый слог, что часто используется в поэзии.

Девушка рассказала о Сонате Дебюсси. Упомянутое произведение состоит из импровизационного пролога, играющего красками гротескной серенады, и контрастов финала.

– Понимаешь, Дебюсси раскрывал свой замысел не только с помощью фактуры и темы, но и за счёт штрихов. Сюжет компенсируется благодаря различным виолончельным приёмам.

– Да? Каким же? – я держал в одной руке ручку, в другой – блокнот с потрёпанными углами.

Я с интересом успел вписать в пустом месте между черновыми каракулями: «пиццикато и арко».

В первом случае элемент обозначал, что звук извлекается не смычком, а щипком; от чего он становится тише прежнего, отрывистым.

Второй термин означал смычок...

Девушки находились в лесу.

Мы с Кариной, Андреем и Ксюшей застали их, когда они в суете готовились к репетиции самостоятельно написанной сонаты. Присоединившись к паре виолончелистов, мы пообещали не мешать и разместились на широком камне, который едва успел высохнуть от недавно растаявшего снега.

Как и в ночь нашего знакомства, Карина сидела рядом. Но на этот раз её ладонь лежала в моей.

Андрей сдержал обещание и принёс свою видеокамеру через два дня. Правда, девушки всё равно возмущались:

– Андрей, ну мы ведь просили, чтобы ты не приносил камеру...

– Это вчера я не должен был её брать, а на сегодня уговора я что-то не припоминаю, – он с лёгкой улыбкой развёл руки в стороны. – Так что без обид, девчонки, мне срочно нужно доснять необходимый кусок, – он выдержал серьёзный взгляд, а после продолжил съёмку, отключив паузу. – Не переживайте, я не долго. Как закончу, покину вас и займусь монтажом.

– А когда будет можно взглянуть на твой фильм от начала до конца? – поинтересовалась Карина.

– Думаю, увидите уже завтра, – парень пожал плечами. – Край, подготовлю к пятнице!

Андрей, оттолкнувшись от сырой поверхности камня, поднялся и отстранился от нас.

– Андрюша как будто играет в игру, – заметила Ксюша.

Он действительно выглядел увлечённым. Его глаза горели с интересом и удовольствием от картинки в объективе камеры.

– Он всегда такой, когда что-нибудь снимает, – объяснила девочка и прижалась к Карине, обхватив её рукой за спину.

– Всё правильно, просто он любит снимать.

– Это точно!

Девушки заняли места и принялись играть. Пролившийся в пространстве мягкий и уютный звук фортепиано обнял высокие и мощные стволы стоявших рядом деревьев, а спустя минуту к нему присоединились скрипучие нотки виолончели. Как ни странно, но соната девчонок ни на что не походила. Это звучало, как действительно что-то новое, мастерски доделанное, как отполированный инструментом плотника деревянный брусок или отредактированный текст, вышедший из-под пера профессионального журналиста. Пока звучала музыка, в моей голове проплывали самые красивые моменты из жизни, которые я успел пережить к девятнадцати годам. Первая травма от поездки на велосипеде в день, когда вдоль и поперёк рассекал по дорогам и тротуарам собственного двора. Первый успех в одном из конкурсов эссе по предпринимательскому праву...

Музыка продолжала звучать.

Андрей за пять-десять минут отснял нужный кусок, и покинул нас, скрывшись за деревьями на повороте. Ксюша решила не оставлять брата в одиночестве и бросилась за ним вдогонку. С последней их разлуки девочка предпочитала проводить с Андреем как можно больше времени.

Виолончель, постепенно стихая, уснула в объятьях прохладного лесного ветра. Фортепиано тоже успокоилось.

Девушки взглянули на нас, скромно примостившихся на камне.

– Что скажете? – поинтересовалась Настя. После игры её глаза намокли.

– Классно! Но как вам за день удалось это сочинить? – поинтересовалась Карина. – К тому же, с ноля...

– На самом деле не всё было просто!

– Мы давно собирались написать что-то подобное... что-то такое, что трогало бы наши сердца и сердца наших друзей. У нас были наброски ещё с прошлого года... Оставались чуть ли не после каждого занятия, интересовались друг у друга, какие лучше использовать переходы, мотивы...

– В общем, вышло то, что вышло... Когда тебе грозит смерть, смекалка работает гораздо лучше, чем обычно!

Я не мог возразить факту, высказанному так жёстко.

Это по молодости все кричат, что смерть им не страшна (по себе знаю), но стоит столкнуться с угрозой её приближения, так сразу задумываешься, ради чего ты в конце концов живёшь на белом свете.

3

Где Карина?

Все находящиеся в зале, кроме Андрея, который нас собрал, вновь заняли места в шахматном порядке. Экран в центре авансцены вспыхнул теперь уже крайним кадром с Ильёй в главной роли.

Мы с Настей сидели позади Марины. Друг от друга нас отделяло одно место.

– Сейчас посмотрим, что ему удалось там наснимать! – протянула она сонным голосом, одновременно потягиваясь.

Настя пересела ближе ко мне со словами:

– Витя, ты Карину не видел?

– Нет, а что?

– Да ничего, вот только утром её не было в спальне. Может, что-то случилось?

Видимо, Марина нас не услышала, так как после вопроса девушки она шёпотом сказала:

– Тише, тут концовка фильма! Обсудите всё потом, а?

– Марина, ты разве не услышала, что я только что сказала? Карины с утра уже в спальне не было.

Мы решили не паниковать и досмотреть фильм. Ничего нового для себя я не открыл: всё, что было показано на финальных кадрах, я видел в день репетиции. Съёмка была на уровне!

Экран потух. Мы одарили юношу аплодисментами.

Ксюша сидела передо мной. Девочка резко обернулась, чтобы сообщить:

– Ночью я видела, как Карина выходит из спальни! Не... не знаю, как точно называют взрослые людей, ходячих во сне... лу... луна...

– Ты, наверное, говоришь о лунатиках, да? – уточнил я.

– Да, точно – лунатики! – девочка потрогала костяшкой указательного пальчика кончик носа, – Карина была очень на них похожа!

И девочка на стуле, закатив глаза, вытянула руки перед собой.

– Тогда что же мы тут сидим?! Побежали скорее, побежали искать её!

4

Спонтанное спасение

Карина оказалась прикованной к двум горящим цепям внутри сосуда.

– Замечательно, все в сборе! – голос вылился наружу слиянием мужских и женских нот.

– КТО ТЫ? – крикнул Андрей.

– Кто ты? – несколько раз подряд приглушённо спросил лес.

Вопрос эхом добрался до всех стоящих напротив высокого дерева, освещаемого белым свечением.

– Кем бы ты ни был... или... или ни была... отпусти её! – изо всех сил крикнула Ксюша. Я заметил слёзы малышки, вытиравшей щёчки обеими ладонями.

– Что тебе нужно от нас? – включился я.

– А ну, покажись! – скомандовала Марина.

– Объясни, что происходит! И ради чего всё это? – вырвалось у Насти.

На этот раз эхо донесло до нас зловещий, а местами и истерический хохот. Истинный владелец странного голоса намеренно проигнорировал требования нашей женской половины. Эхо буквально окружило нас и продолжалось ещё секунд десять, а то и все двадцать. Мы отвлеклись на остальные окружающие нас сосуды.

– ПОМОГИТЕ-Е-Е... ОСВОБОДИТЕ МЕНЯ, РЕБЯТА! – Донёсся за нашими спинами естественный голос Карины.

– Ха-ха-ха... это невозможно! Нет, просто невозможно! – в двух-трёх метрах от нас появился прозрачный образ, мягко сливающийся с природными декорациями: деревом, кустами... Если бы не молочные черты одежды и лица, то мы вряд ли его заметили.

– Костя?... – вырвалось у Насти.

– Привет, ребятки! Не ожидали?

– Что тебе нужно?

– Мне? Ничего... кроме возвращения к жизни, – парень указал на сосуд у себя над головой. – И при помощи него, я своего добьюсь – отберу её душу себе! Всё равно она не сделала ничего полезного для искусства, пока находилась на станции.

– Находится!

– Э-э-э... что?

– Она всё ещё находится на станции! – поправил я.

– Бесполезно тратит время! Она занимает чужое место и... её даже не беспокоит мысль о том, что она могла бы провести время куда полезнее, чем бессмысленно гулять тут. В отличие от неё, я попытался создать стихотворение, пусть и сочинил его позже срока. Но это не значит, что я должен был погибнуть. У меня можно было просто-напросто отнять талант и отправить восвояси... Да чего я тут перед вами распинаясь?..

Он подошёл к дереву и прозрачной ладонью проник внутрь широкого ствола. Его босые ступни постепенно приобретали живой окрас. То же касалось и одежды парня: подвёрнутых брюк, вязаного свитера, сдвинутой набок шапки...

Свечение в сосуде замигало, Карина просила о помощи, но не прошло и полминуты, как весь свет потух.

Учащённым сердцебиением отозвалось во мне то, что мы все увидели.

Когда свет появился снова, мы увидели, что девушка сидела на дне сосуда, прислонившись к бесцветной стене ёмкости. И, скорее всего, она находилась без сознания: голова наклонилась влево, руки лежали на коленях, ноги были подогнуты в сторону. Кожа приобрела сероватый оттенок.

Ксюша подобрала с земли булыжник и бросила в сосуд. Хлопок и короткий треск раздался у меня в ушах. Подобно иголке, коснувшейся зубного нерва, они заставили меня подпрыгнуть на месте. Сосуд разлетелся на осколки. Карина была на свободе!

– Что? Не-ет! – Костя обо что-то споткнулся и рухнул на спину. Если бы голова не стала обесцвечиваться, то он наверняка ударился ею о каменистую поверхность земли под длинными, взмывающими дугой ввысь ветками.

Не успел я моргнуть, как и след простыл от молочных черт приевшегося образа Кости.

Отвернув голову, я увидел Карину, лежащую на левом боку в позе эмбриона.

Когда мы подбежали к телу, стало видно, что волосы полностью закрывают её лицо. Спина поднималась и опускалась, получалось, что девушка дышала, а значит, жила!

– С тобой всё в порядке?

– Засыпать бы под колыбельную, мысленно уноситься в мечты и с ними уходить в нереальный лучший мир...

– Что? Что она сказала?

– Да ведь она в бреду!

– Вить... Ребя... ребята, я что-то сказала?

– Да, бр...

– Нет, тебе показалось!

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова кру... кружится...

– Пустяки! Всё пройдёт!

5

Последние минуты «Вдохновения»

Удар. Удар. Удар. И так ещё девять повторений.

Бой уличных часов стих.

– Приготовьтесь! Поезд номер сто двадцать восемь прибудет на станцию «Вдохновение» через полчаса.

Оповестив нас, сет-бокс Андрея отключился. И больше не подавал признаков работоспособности. Нам не помогли ни первая, ни следующие две запущенные в него монеты. Как оказалось, остальные сет-боксы в мужской спальне также ни на что не реагировали.

Девчонки выглянули из-за двери:

- Мальчики, у вас работают сет-боксы?
- Нет, только что проверили! Мой сообщил, что через полчаса придёт поезд и всё, отключился!
- Что теперь делать?
- Скорее всего, нужно собирать вещи, – предположил я.
- Всем?
- Думаю, всем.

Когда мы покидали здание вокзала, в воздухе чувствовалась приближающаяся развязка путешествия на станцию «Вдохновение».

Стоя на второй платформе перрона с рюкзаками на плечах и сумками в руках, мы наблюдали, как приближался поезд с протяжным гудком и потихоньку сбавлял ход.

– Думаю, это наши последние минуты на станции, – сказала Карина, взглянув на меня.

– Не совсем, – возразил я. – Всё-таки, мы ещё не сошли на перроны родных городов.

– И то верно!

– Карина, могу я пригласить тебя выпить кофе, когда мы вернёмся? Я помню, что латте – твой любимый напиток! Что скажешь?

– Я не против, но, чур, при одном условии!

– При каком?

– Ты проводишь меня до дома и поможешь объяснить моё отсутствие родителям.

– Эм... Даже не представляю, как это будет выглядеть, но постараюсь сделать всё возможное, – пообещал я.

Карина меня обняла. Такая реакция не стала для меня неожиданной, так как за минувшие четыре недели мы достаточно сблизились. В этот момент я впервые узнал что такое обнимать девушку. На протяжении всего лишь пары минут я медленно

дышал, или вовсе не дышал, как мне казалось, дыхание сперло от волнения.

Я молчал, глядя вверх, и мысленно благодарил небо за все случившееся. Такая привычка давала о себе знать каждый раз, когда судьба знакомила с необычными, интересными людьми. В голове я дважды произнёс: «Спасибо». Во-первых, за Карину. Во-вторых, за своих новых друзей.

– Ребята, – обратился я ко всем, – однажды придёт время, и мы поймём, что все наши классные моменты, проведённые вместе, остались позади. Но, пока этого не произошло, хочу вам признаться, друзья! Каждый из вас – часть меня!

– Не переживай, обменяемся контактами и будем встречаться, как можно чаще!

– Тем более с Кариной вы в любом случае будете видеться каждый день!

– Вы что думали, мы не заметили, что вы друг другу нравитесь? – хихикнула Ксюша, едва прикрыв губы крохотными ладошками...

И вот тот же тамбур. Тот же третий вагон.

Прошествовав вперёд, мы с Кариной заняли те же места: она – своё девятнадцатое, я – чьё-то чужое под номером двадцать один. Ксюша, Марина и Настя заняли места, идущие за другом с двадцать пятого по двадцать седьмое.

Мы с Андреем помогли девушкам погрузить сумки и положили виолончель наверх. Убедившись, что у сестрёнки всё в порядке, Андрей отправился в кабину машиниста.

Сет-бокс, установленный напротив нас, как и остальные, не работал. Меня потрянуло, когда поезд тронулся с места, поэтому я решил сесть, чтобы не шлёпнуться на задницу.

– Прощай, станция «Вдохновение»! – послышался в вагоне голос Ксюши. Девочка сидела вместе с Мариной и Настей.

И станция ответила нам! За окнами вагона пространство озарилось жёлтыми, голубоватыми, розовыми, синими, сиреневыми всполохами.

– Взгляните в свои окна! Быстрее, быстрее взгляните! – закричала Карина.

Из леса один за другим выходили друг за другом разноцветные призраки-жители станции: парнишка-гитарист и девушка-пианистка в синей перчатке, виолончелистка и балерина... Вышли многие. Все махали нам руками, улыбаясь на прощание. Среди вышедших из леса был и Костя. Мы увидели, как он левой рукой вытер слёзы с лица, которое по-прежнему было злым.

Получается, каждый получил то, что заслужил.